

Ф Р И Д Р И Х

НЕЗНАНСКИЙ

МАРШ
КУРЕЦКОГО

Новый роман

ВЗЯТКА ПО-ЧЕРНОМУ

Марш Турецкого

Фридрих Незнанский

Взятка по-черному

«Автор»

2005

Незнанский Ф. Е.

Взятка по-черному / Ф. Е. Незнанский — «Автор»,
2005 — (Марш Турецкого)

У Ирины Турецкой автомобильные «неприятности». Помочь жене друга берутся Грязнов и сыщики из агентства «Глория». А к адвокату Гордееву приходит миловидная женщина и просит принять на себя защиту ее друга, крупного бизнесмена, которого подставили его же партнеры и засадили в тюрьму. Неожиданно два эти дела, сопряженные с опасностями, похищениями и даже убийствами, объединяются в одном частном расследовании, которое вынуждены проводить профессионалы в буквальном смысле в свободное от службы время.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Фридрих Незнанский

Взятка по-черному

Взятка – срыв, поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы, пишкеши, бакишии, хабара, могогарычи, плата или подарок должностному лицу, во избежание стеснений, или подкуп его на незаконное дело.

Вл. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка

Теперь у нас подлецов не бывает, есть люди благонамеренные, приятные, а таких, которые бы на всеобщий позор выставили свою физиономию под публичную оплеуху, отыщется разве каких-нибудь два, три человека, да и те уже говорят теперь о добродетели.

Н. В. Гоголь. Мертвые души

По твердому убеждению этого ответственного должностного лица, взятки, как таковой, нет, а есть плата за услуги...

Из газет

Глава первая

Наезд

1

Ирина Генриховна Турецкая обычно старалась ни о чем постороннем не думать и ни на что не отвлекаться, едучи на своей «ласточке». Так она ласково называла юркую и уютную «дэу», заметно сдавшую за два года «эксплуатации» в безумных столичных автомобильных потоках, где никто никого отродясь не уважал, и уж тем более женщин за рулем. Но машинка была, как замечено выше, уютной, и потому Ирина чувствовала себя в салоне вполне комфортно. Опять же ее иномарка выгодно отличалась от отечественной «Оки», ставшей, как и «Запорожец», героиней серии «автомобильных» анекдотов. Это обстоятельство тоже имело определенное значение, особенно когда друзья и приятели мужа, находясь в легком подпитии, позволяли себе бесцеремонные высказывания типа: «Как тебе не стыдно, Саня, солидный человек, генерал от юриспруденции, а супруга черт-те на чем катается!» И вспоминали совсем не смешные, поскольку давно уже заезженные, байки про «зародыш джипа», про два часа позора по дороге на дачу и прочие глупости. Вот тогда «генеральша» и выдавала этим «доброжелателям» порцию собственных суждений относительно своей любимой «ласточки», в которой, благодаря ее скромным габаритам, не приходится возить еще кого-то.

Нет, случались ситуации, когда кто-то из знакомых, главным образом в музыкальном училище, где трудилась Ирина, заботливо выращивая юные дарования, просил подвезти его, подбросить до метро, например. Но, выйдя из училища и обнаружив на стоянке заботливо вымытую ярко-зеленую машинку, похожую на июньского жука, «попутчик» мгновенно терял желание воспользоваться оказией. Несерьезно, одним словом. «Кому что!» – весело говорила Ирина и резво трогалась с места. И ей казалось, что мотор с нею полностью согласен: «Каждому – свое!»

Она ничего не боялась за рулем. Опыт вождения приобрела, катаясь с ребятами Дениса Грязнова, директора частного сыскного агентства «Глория», которым Александр Борисович

поручил обучение своей супруги. Вот они, собственно, и приучили ее ничего не бояться и чувствовать себя всегда уверенно, ибо сами с честью выходили из крайне тяжелых ситуаций в те годы, когда пахали в разведке спецназа ГРУ. И Афган, и позже Чечня были для них той школой, уроки которой не проходят бесследно. И эти ребята – да какие там ребята, по сути, ее ровесники, всем давно за сорок! – научили Ирину главному: мгновенной реакции на происходящее вокруг.

Александр Борисович Турецкий, успешно владевший некоторыми приемами так называемого спецвождения, преподанного ему давним другом и соратником Вячеславом Ивановичем Грязновым, тоже охотно подсказывал жене, как вести себя на дороге в той или иной ситуации. Не оставлял ее своим вниманием и сам Грязнов, который считал своим долгом учить «разумному и вечному» жену друга, несмотря на то что важный пост в МВД не оставлял ему свободного времени. Впрочем, о новой своей работе Вячеслав Иванович старался не распространяться.

Так что учителей у Ирины Генриховны было, по известному выражению, как собак нерезанных. Но все «педагоги», как ни пытались, не смогли обучить ее тому, без чего не должна обходиться и чем просто обязана по нынешним временам в совершенстве владеть супруга высокого государственного чиновника (а как иначе назвать старшего помощника генерального прокурора?). Не привилось ей понимание собственной значительности и соответственно вседозволенности. Не прижилось в ней логично проистекающее из указанных свойств хамство. И потому, когда хамство обрушивалось вдруг на ее голову, она чаще всего не находила ничего более умного, чем разрыдаться от несправедливой обиды и незаслуженного оскорбления.

Ирина Генриховна, конечно, сознавала, что именно этой ее откровенной беззащитностью пользуются разнообразные чины, в зависимость от воли которых ей нередко приходилось попадать – будь то какой-нибудь мелкий клерк в ЖЭКе или гаишник на дороге. Они же сразу видят, с кем дело имеют! И над кем можно в полной мере поизгаляться, упиваясь собственной властью и получая от своих слов и действий чисто садистское наслаждение.

Однако обида обидой, но в глубине души Ирина понимала, что виновата исключительно сама – не научилась «держат удар», как частенько выражается Славка Грязнов, а уж он-то – битый-перебитый, но несломленный, прошедший по служебной лестнице от простого оперативника до начальника МУРа, а теперь и руководителя главка МВД – знает, что говорит.

А что Ирина? Ну не может она, и все! Теряется, плачет, понимая, что слезы не оружие, а проявление беспомощности, и любой наглец, не говоря уже о подлецах, готов немедленно воспользоваться этой ее человеческой слабостью. И что теперь, казнить ее за это? Или, наоборот, сурово наказывать обидчиков?! Вопрос, конечно, интересный...

Вот такой монолог, продиктованный глубоко оскорбленным самолюбием, Ирина Генриховна мысленно произнесла, что называется, на едином дыхании. А закончив, упрямо повторила несколько раз слово «мерзавцы», повышая интонацию уже вслух почти до крика – до того была расстроена и рассержена. И на себя, и, естественно, на весь окружающий мир. Но одно дело ругаться и спорить там, у перекрестка, а совсем иное – мысленно протестовать спустя время, стоя уже здесь, у обочины, и чувствовать себя при этом в буквальном смысле оплеванной с ног до головы.

То, что случилось с нею каких-то пятнадцать – двадцать минут назад, не укладывалось ни в какие рамки. И никакой логики также не было в том, что произошло. Но, слегка остыв и подумав, Ирина неожиданно для себя решила, что в данном случае, как выражаются картежники, просто расклад оказался не в ее пользу – вот и все. А в стране, где правит беззаконие, иного и быть не может. У них же, как у карточных шулеров, расклад всегда в собственную пользу! Что бы там ни утверждали эти поборники Закона – Славка с Шуриком, ее благоверным, или Костя Меркулов вкупе с ними. Говорят-то они, возможно, слова и правильные, да только простому человеку – а Ирина искренне считала себя именно такой – от их слов не легче.

Напротив, еще тяжелее, поскольку постоянно убеждаешься, что Законом рулят крутые мерзавцы, а вовсе не поборники справедливости...

Ну вот, опять стала заводиться... Ехать надо, остыла уже достаточно, чтобы видеть, что делается по сторонам. Ехать и больше не молчать, высказать им прямо в глаза все, что она про них и про их болтовню думает. Пусть это станет им предметным уроком... Только станет ли? Но в любом случае подобное безобразие без внимания оставлять нельзя...

Подъехав к дому, Ирина Генриховна загнала «ласточку» на огороженную стоянку во дворе, потом автоматически потянулась к бардачку за сумочкой, в которой у нее постоянно хранились документы на машину – водительские права, техталон, страховой полис, медицинская справка – и куда она привычно засовывала, выходя из машины, панель автомагнитолы. И тут ее словно громом поразило. Она реально осознала, что прав-то у нее больше нет! Лишили ее водительских прав, хотя не имели на то никаких оснований! Вот он – правовой беспредел! Вот оно – государство, которое само беззащитно перед бандитами любых мастей – неважно, ходят ли они в милицеской форме или в клифтах от Версаче, как говорит тот же Славка. Ну что ж, раз говорить они научились, пусть теперь и ее послушают.

О последнем Ирина подумала даже с некоторой долей злорадства, поскольку увидела возле своего подъезда грязновскую служебную «Волгу», на номере которой красиво выстроились в ряд пять семерок. Ну а рядом с Шуркиным синим «пежо» она только что парковалась. Значит, голубчики оба дома и, поди, ждут появления хозяйки. Вот и хорошо, вот и будет им сейчас подарок. Чтоб не скучали и привели наконец-то в действие свои «пружины», как они выражаются.

2

А ситуация сложилась следующим образом.

Закончив занятия в музыкальном училище, Ирина отправилась домой, на Фрунзенскую набережную. Обычно она ехала по проспекту Мира до Садового кольца, ну а там уже на Комсомольский проспект, откуда рукой подать до родных пенатов. А сегодня Ленка Потемкина во время перемены рассказала, что у них, возле метро «Новослободская», открылся новый маркет. Но не в том суть, что он новый, подобных в Москве никто уже и не считает, а в том, что там есть китайская чайная комната с изумительным набором зеленых чаев. И теперь Ленкина семья ничего другого вообще не пьет. Она угостила подруг свежим чаем с земляничным привкусом, запудрила всем мозги, и вот результат. Вместо того чтобы мчаться к горячо любимому мужу, кормить его ужином, а потом проверять уроки у Нинки, Ирина отправилась на экскурсию в китайский отдел. Все остальное к происшествию на Новослободской улице не имело ни малейшего отношения.

Слава Грязнов, внимательно слушавший исповедь пострадавшей от милицеского произвола, во всем уважал ясность.

– Так Новослободская улица или Долгоруковская? – уточнил он, чем вызвал у жены друга Сани дополнительную волну раздражения.

– Какая тебе разница? Ближе к Садовому! Долгоруковская, да? Ну и черт с ней, как она сегодня у вас называется!

– У вас! – Грязнов поднял указательный палец. – Это ж надо? Ну валяй дальше. И в каком конкретно месте это произошло? Там же, по-моему, до самого кольца больше нет ни одного перекрестка, а, Саня?

– Нету. Полностью с тобой согласен, – подтвердил Турецкий не очень уверенным тоном, поскольку до приезда Ирины они успели со Славкой «оприходовать» бутылку виски «Белая лошадь», которую привез с собой Вячеслав. А о закуске как-то не позаботились. Так, занюхали четыремя ломтиками сыра.

Этот бутылец Грязнов получил сегодня в связи с тем, что в министерстве проходило совещание руководителей региональных управлений уголовного розыска, и прибывший аж из самого Владивостока приятель, с которым Вячеслав когда-то, еще при советской власти, повышал квалификацию, занес презент от коллег из Приморья. Или взятку, смотря как глядеть на сам факт появления бутылки виски в высоком министерском кабинете на Житной улице. У них там, сказал, этого добра на таможне уже и не считают. Так что, может, просто зашел человек и подарил от душевной щедрости. Ну и как было после подобного предисловия отказать хорошему мужику, который у тебя вроде ничего и не просит? А и попросит, какая беда? Кто ж своему откажет? Тем более что и живет-то он, можно сказать, на другом конце континента!

Ирина видела, что ее горестный рассказ не производит никакого впечатления на мужа и лучшего друга дома, подуставших в нескончаемой борьбе с преступным миром, и решила сосредоточиться на главном. На факте оскорбления личности. Однако не тут-то было. Народ требовал подробностей!

Итак, плотно засев перед самым кольцом в автомобильной пробке, Ирина собралась уже звонить домой, чтобы предупредить семью о своей возможной задержке и дать указание, что достать из холодильника, что разморозить, а к чему категорически не притрагиваться до завтра. Как вдруг нечаянно обнаружилась возможность выскочить из дрянной ситуации.

Справа от нее – она застряла во втором ряду – неожиданно образовалось пустое место. Водитель «Жигулей», почти притертых к обочине, взял да и выехал прямо на тротуар и по нему спокойно себе отправился к перекрестку. Решение пришло вмиг. Ирина ловко вывернула свою «ласточку» следом за ним и покатила вдогонку. Там еще справа какое-то важного вида здание.

– Ты права, – кивнул Славка, – «Гута-банк»!

– Наверно, – подтвердила Ирина, – я не смотрела по сторонам.

В общем, они уже съехали с тротуара на проезжую часть, чтобы тут же повернуть направо. И тут случилось то самое происшествие, в результате которого водитель «Жигулей» спокойно покатыл дальше, а Ирина лишилась прав, да еще и вдоволь «накушалась» всяческого дерьма от поганных ментов, которые на самом деле и являются главными в стране бандитами, будь они все трижды прокляты!

Сначала она ничего не поняла. Только почувствовала довольно ощутимый боковой, словно скользящий удар по корпусу своей машины, отчего ее «ласточку» кинуло влево, почти наперерез потоку тронувшихся было и тут же застопоривших ход машин. А когда сообразила, увидела, как справа от нее, по тому же тротуару, где она только что ехала, на довольно приличной скорости проехал большой черный «мерседес». Он-то и «отшвырнул» ее в сторону – небрежно этак, мол, пошла вон отсюда, малявка! А следом за ним, догоняя, спешил такой же черный, с синим милицейским номером, джип.

Все, что произошло дальше, выглядело театром абсурда.

Джип вдруг резко затормозил впереди Ирины, из него вывалился здоровенный «лоб» в черной форме, какую теперь носят охранники в тех же банках, пунктах обмена валюты, магазинах, но только без броских шевронов на рукавах, и резко махнул рукой милиционеру, регулировавшему слева, недалеко от них, рядом с исправно действующим светофором – верх московской нелепости! – движение автомобильных потоков. Мент в салатной накидке с буквами ДПС на груди и спине рысью кинулся к джипу. И пока Ирина пребывала в растерянности, не зная, что ей теперь делать, те двое подошли к ее машине.

Регулировщик немедленно потребовал права, а «лоб» презрительно оглядел «дэу», выплюнул прямо на капот комок жвачки, громко выругался и забрал права из рук милиционера. Не глядя, сунул в карман и сказал лениво-небрежным тоном:

– Ну ты тут сам разбирайся, а я покатыл дальше. Поглядим, чего она там наделала, и выставим счет.

– Пойдите! – придя в себя, слабо возмутилась Ирина.

– А пошла ты... – походя, как собаке, бросил «лоб» и ушел к своему джипу. Через минуту его уже не было.

– Но вы же все видели? – гневно обратилась Ирина к регулировщику. – Они же сами в мою машину въехали! Этот «мерседес»...

– Так, ты мне тут права не качай, – тоже почему-то на «ты» бросил ей регулировщик, глядя так, будто ненароком едва не наступил ногой на лягушку, – я тебя за нарушение наказывать не стану.

– Но какое нарушение?!

– А кто по тротуару ехал, я?

– Но ведь...

– Слушай, не морочь мне голову, вали отсюда. Тебе позвонят, а дальше сама разбирайся. Мне с начальством ссориться совершенно ни к чему.

– Но у меня муж... – начала было заводиться Ирина.

– Вот и кати к своему мужу. Пусть он лучше бабки готовит. Я полагаю, на пару «кусков» ты нынче залетела. Зелененьких, разумеется! А впрочем, как еще хозяин того «мерина» посмотрит. Свободна!

И, небрежно отмахнувшись от нее жезлом, он отправился к перекрестку. Точнее, к светофору – помогать, блин...

Ирина оглядела свою машину, которая, кстати, даже как-то и не очень пострадала. Ну если не считать вмятины на правой дверце и словно соскобленной ножом краски на правом переднем крыле. Но ведь это не она, это ее ударили! Где же справедливость?! Куда смотрел тот же мент? Ах, он смотрел в рот охране своего начальства, спорить с которым и тем самым создавать себе сложности вовсе не собирался!

– Если все, что ты рассказываешь, правда... – начал Турецкий.

– Ты мне не веришь?! – вспыхнула Ирина.

– Подожди. Не перебивай, дай мне закончить. – Турецкий поморщился. – Я ни в чем не сомневаюсь, даже в том, что только ненормальный станет кататься по тротуару перед «Гута-банком». Помнишь, Славка, мы уже однажды брали за жопу тех деятелей? В девяностом, если не ошибаюсь...

– В девяносто восьмом. Перед дефолтом.

– Вот-вот. А если в том «мерине» был кто-то из них, то права, выданные мадам по фамилии Турецкая, – это просто подарок. Ты хоть номер-то запомнила?

– А то!

Ирина уже стала что-то понимать, хотя у нее в голове никак не укладывалась версия, будто ее нарушением воспользовались специально. Случайность? Но кому это в принципе нужно? И когда был тот дефолт? Что же касается номерного знака, то она, видимо, машинально запомнила его после удара.

– Там была буква «а» и цифры – ноль восемьдесят два. А потом снова «а» и еще какая-то – «б», «в»... не помню.

Турецкий с Грязновым быстро переглянулись и дружно усмехнулись. Они сразу поняли, что номерочек-то, получается, из правительственной «конюшни».

– Вы чего? – насторожилась Ирина.

– Не обращай внимания, дальше давай. А у джипа какой?

– А вот у него я почему-то не запомнила. Хотя он остановился практически рядом... Что-то с «очком» связано... А, нет, это в сумме сложилось двадцать один. Помнишь, мы все играли одно время? Считали цифры на автомобильных номерах, чтоб в сумме «очко» выходило? Ну вроде везения на дороге... Ой, дай я сейчас вспомню! Точно, было «очко». Потому что две последние цифры – семь и восемь. Значит, две первые должны дать в сумме шесть. Точно –

четыре и два! И сам номер синего цвета. Вспомнила-таки! Наверное, где-то там, в подсознании, само отложилось.

– Марка джипа? – спросил Грязнов.

– Ну здоровый! Тоже мерседесовский. Как вагон. Черный, квадратный.

– Уже легче. Время происшествия?

– Да вот же! Около половины девятого.

– Звание регулировщика? Его фамилия?

– Не знаю. Светловолосый. Лет примерно двадцать девять – тридцать. Молодой еще. Подтянутый такой. Рост около ста восьмидесяти. Чуть пониже тебя, Шурик.

– Да уж, – вздохнул Грязнов и махнул рукой. – Вот ведь женщины, Саня! Ну что с них взять? Их незаконным образом лишают водительских прав, оскорбляют, угрожают. А они, вместо того чтобы выяснить фамилию и звание представителя дорожно-патрульной службы, который был обязан составить протокол, запоминают лишь его приблизительный рост да цвет волос. Что скажешь?

– Для составления субъективного портрета, как говорит наш Иосиф Ильич, – Турецкий имел в виду эксперта-криминалиста Разумовского, – эти доминирующие признаки помогут, хотя бы отдаленно, установить типажное сходство... – Турецкий рассмеялся, пытаясь скопировать речь эксперта, с которым в недавние времена ему приходилось частенько работать в одной бригаде. – Что я скажу? Могу повторить уже сказанное тобой. Но номера пробить мы все же сумеем, да? И поглядим тогда, что это за перцы такие.

– Это – непременно! Но, я думаю, до завтра не горит? Поздновато службы-то поднимать? Хотя, если хотите?.. А чего они у тебя забрали-то? – спросил у Ирины Вячеслав.

– Права и свидетельство о регистрации. – Ирина открыла сумочку и вытащила на стол все свои документы. – Талон ТО здесь. Медицинская справка – тоже.

– Временное водительское удостоверение осталось? Вот и хорошо, денек-другой покатаешься с ним. Потом вернем тебе права. А вот насчет мента твоего, Ирочка, это мы прямо сейчас распорядимся. Я пойду туда позвоню. А вы тут пока хоть омлет какой изобразите, а то курсак совсем пустой, однако! – Грязнов поднялся, гулко похлопал себя по животу и вышел из кухни.

Ирина принялась готовить ужин. Турецкий, задумчиво глядя в окно, прокручивал в голове какие-то свои мысли. Грязнов закрыл дверь в комнату, и оттуда доносились только звуки его басистого голоса, но слов было не разобрать.

Время шло. Ирина уже и стол накрыла, и свежих котлет нажарила, и картошечки, как любил Грязнов, чтоб много лука и сала. И даже банку с солеными огурцами открыла – из прошлых годов, осенних заготовок. Подумав, хотела еще и колбасы нарезать, но Турецкий остановил ее – при роскошных котлетах, так и стреляющих раскаленным жиром, какая может быть колбаса?..

А Грязнов все еще разговаривал. Наконец появился. Оглядел Саню с Ирой и ухмыльнулся:

– Ну, ребята, доложу я вам! Цирк! Давайте порубаем, а я тем временем буду излагать! Нет, это просто охренеть, что у нас творится! – Он уселся на свое место, оглядел накрытый стол, аккуратно поднял двумя пальцами пахучий огурчик, плотоядно понюхал и удивленно спросил: – А подо что?

Турецкий злорадно захохотал, а Ирина, которая только что закончила спор с мужем, как она полагала, своей победой – мол, вам сегодня уже достаточно! – тяжело (даже, пожалуй, слишком тяжело) вздохнула и полезла в холодильник за бутылкой простой русской водки – убеждения-то убеждениями, а все же Славка занимался ее личными делами, и любая скупость здесь неуместна.

Глаза Грязнова остро сверкнули, когда он, чокнувшись с друзьями и выпив, шумно втянул носом ароматы, источаемые домашней пищей, но все же отдал предпочтение огурчику. И, только похрустев им, выдал первое свое указание, уже, видно, согласованное с кем-то из соответствующих начальников.

– Значит, договорились так. На любой телефонный звонок, касающийся предмета нашей беседы, отвечаем следующим образом. Все переговоры относительно происшествия на Долгоруковской улице будут продолжены в кабинете начальника УГИБДД Москвы Федора Александровича Фролова. О чем пострадавшие стороны будут оповещены в ближайшее время. И все. Подробности моей краткой беседы с Федей – ты ж его отлично знаешь, Саня, – последуют ниже, то есть ближе к концу ужина. Не будем портить себе аппетит. А тебе, Ира, я скажу, как совет на будущее. Если опять случится нечто подобное, дай Бог, чтоб не было, – и Грязнов постучал по дереву, – все твои сознательные действия должны сводиться к следующему. Если сама не можешь выяснить, кто и за что конкретно тебя остановил, не тушуйся, сядь в машину, закрой за собой дверь и достань телефонную трубку. У тебя много весьма влиятельных друзей и знакомых. Один твой звонок, например, мне или тому же Феде, визитка которого у тебя есть, я сам видел, придаст делу иное звучание. И не будет стоять испорченных нервов. Понятно? Вот и ладушки! – Грязнов потянулся за следующим огурчиком и по-хозяйски велел: – Наливай, Саня! А что касается убийцы Лермонтова...

– Это ты о ком? – подозрительно нахмурился Турецкий.

– Ну Мартынов же, тот капитан с перекрестка. Его непосредственное начальство уже получило строгое указание взять у этого Льва Ивановича объяснение по поводу происшествия. А там посмотрим. Может, и служебное расследование захотят учинить, не исключая, но это уже их дела. А что касается номерных знаков – сейчас вы у меня помрете, ребятки! Вот уж где настоящий цирк! Ай-я-яй, куда ж мы все прикатали, братцы мои!..

3

Владимир Харитонович Багров, бывший майор внутренних войск, а ныне сотрудник частного охранного предприятия «Юпитер», прибыл в офис своей конторы, в Печатники, когда у всех нормальных людей рабочий день уже давно закончился. Предприятие это осуществляло свою деятельность под эгидой Благотворительного фонда помощи членам семей сотрудников правоохранительных организаций, погибших или пострадавших во время участия в боевых действиях в Чечне. Рослый, спортивный, всегда уверенный в себе, с наголо бритой по армейской привычке головой, Багор, как его обычно называли приятели, прибыл по приказу своего босса, бывшего полковника ВВ Игоря Петровича Брусницына (или Бруса – опять же между своими), который был явно чем-то озабочен и недоволен. Вызывая Багра по «мобиле», босс говорил не привычным назидательным командирским тоном, а рявкнул разъяренным тигром:

– Давай на базу! – тоже, кстати, осталось от бывших армейских привычек. – Разберемся!

Какую и с кем Брус собирался устраивать разборку, Багров, естественно, не знал. Нет, он, возможно, и догадался бы, если бы подумал. Но за два года работы в «Юпитере», особенно за несколько последних месяцев, когда он стал постоянно сопровождать крутых любителей «прокатиться с ветерком» на прикольных иномарках с синими номерами, все его мысли свелись к одному: неотрывно висеть на «хвосте» у хозяина. А хозяева, правильнее – клиенты «Юпитера», попадались всякие. Одни, пользуясь неприкосновенностью, обеспеченной милицейским номером, вообще плевали с высокого бугра на любые дорожные правила и порядки, готовые потягаться с кем угодно, вплоть до президентского кортежа. Другие слишком уважали свое драгоценное время и считали, что и все остальные обязаны так же его ценить. Третьи... а, ладно! Словом, у всякого имелись свои закидоны, но со всеми надо было уметь ладить. А чтоб ладить, вовсе не обязательно думать. Он сказал, ты кивнул – поехали!

Случались и накладки. Но чаще пустяки, так сказать, местного значения. Например, сегодняшний случай. Ну там, возле банка, куда клиент, требовавший, чтобы его называли Григорием Семеновичем, хотя среди своих он был просто Мамоном или Гришей Каширским, приезжал по делам. Вышло так, что они отодвинули в сторону какую-то крикливую мадам на ее «газонокосилке». Неловко получилось у Мамона, но и хрен бы с ним в конечном счете. У него ж свой водила, хозяин приказал, тот сделал. А что небольшое ДТП устроили, так опять же все в Гришиных руках: захочет власть свою показать, пусть себе куражится, пожелает простить, а может, и приголубить – дамочка та собой все-таки ничего, хоть и старовата, ну так это опять же на любителя – тоже исключительно его личное дело.

А когда они приехали домой к Мамону, в его коттеджный поселок в Чеховском районе, тот взял у Багрова ее права, взглянул на фотографию и заметил, что девка-то вроде ничего и еще вполне может сгодиться, ему иногда даже нравятся такие. Спросил, а как она вообще? И Багров грубовато, по-армейски, пошутил, что кому понравится, у того встанет.

Сам-то Багров уже и забыл про нее – совсем не в его вкусе. Ему нравились крепенькие и задастые молоденькие телки, с круглыми и горячими ляжками, и чтоб ротик был пухлым, и губки – сердечком, и вся кругом натуральная блондиночка в шелковых кудряшках, и обязательно голубоглазая. Прижмешь ее, а она прямо тает, как сливочное масло. Вот как раз именно такая и была у него сегодня приготовлена на вечер. Говорила, что студентка, с папой-мамой живет. А вообще, кто знает, главное, не уличная, тут Багров доверял своей интуиции. И, подумав сейчас об этой Олечке, он решил нигде не задерживаться и махнуть отсюда прямо к ней, в Лианозово. Не ближний свет, но можно позвонить с дороги, и та выйдет к парку, чтобы встретить. А потом?.. Когда Багров не особенно располагал свободным временем, он просто перевозил телок через МКАД, в лесопосадки, а опущенное заднее сиденье его джипа представляло собой удобное рабочее место, даже, для полного комфорта, в запасе имелись одеяло и пара подушек. И телки обычно не сильно возражали, видно надеясь на продолжение отношений. Тем более что бывший майор внешних мужских изъязнов не имел, дело свое знал крепче, чем иные ожидали, и не был к тому же скупердям. Что особенно ценилось дамочками. Багров никогда не оставлял им своего телефона, зато их номера методично записывал – на будущее. Хотя, в общем-то, какое могло быть с ними будущее, если Багрову вполне хватало двух, ну, реже, трех изнурительных свиданий, чтобы насытить свой неостывающий интерес и снова начать поглядывать по сторонам.

Размечтался охранник, пропустил какой-то вопрос клиента. А тот строго и даже как-то недружелюбно смотрел на него. Напрягся Багров и вспомнил: Мамон же настойчиво интересовался, как она выглядит, та баба. Ну так ведь ответил уже! Мол, собой, то есть снаружи, вроде ничего, но не в моем вкусе. А на вкус и цвет, как говорится, товарищей нет.

Забрал ее права хозяин и пошел в дом, наверное, чтоб позвонить и узнать, кто она такая и на что способна. Даже за собой не пригласил, вот жлобье!

А вышел ну прямо весь не в себе! Швырнул, разве что не в морду, злосчастные карточки водительского удостоверения и свидетельства о регистрации, запаянные в целлофан, и выдал такой крутой мат, которого прежде ни разу в отношении своего официального охранника не допускал. Отдышавшись, спокойнее добавил, что его, то есть Багра, срочно требует к себе гендиректор, и небрежно указал пальцем на валяющиеся под ногами целлофановые карточки:

– Отдашь ему. А зачем... – и снова матерный поток, – ты их у нее вообще забрал?

– Я?! – изумился Багров. – Да вы ж сами приказали, Григорий Семеныч! «Забери права и догоняй» – чей приказ?

– Все, базар закончен, – сухо ответил Мамон, – ничего такого я тебе не приказывал. И завтра можешь сюда не являться, нужда отпала. А Брусу я сам потом отзвоню.

Полная отставка, понял Багров. Не желает пахан свой же прокол на себя вешать, виноватого ищет, козла. Багор отметил про себя, что и «шестерки» Мамона, собравшиеся во дворе,

поглядывают на него с откровенным и злорадным любопытством. Все ж таки «опустили», по их разумению, непокорного мента. Кем бы Багров ни был, для них-то он навсегда ментяра. Ну что ж, держи карман шире!

– Ага! – Он широкой улыбкой изобразил, будто бы даже обрадовался своему «освобождению». Честно признаваясь, ему и самому уже порядком надоели бесконечные заморочки Мамона. И он решил хотя бы теперь, под конец, тоже маленько «опустить» зарвавшегося уголовника, пусть он среди своей шпаны и считается авторитетом. – Значит, сопровождение снимаем, да? Тогда вы завтра сами приезжайте в Главное управление вневедомственной охраны и официально отказывайтесь от наших услуг. Не забудьте только заодно уж и про свой номер. – Он так же небрежно, как и Мамон, ткнул пальцем в синий номерной знак своего джипа и нагнулся, чтобы подобрать брошенные на землю водительские документы той дамочки.

– Это... с какого такого бодуна? – не понял и нахмурился Мамон.

– А с такого, что я конкретно к нему, а не к вам приставлен, Григорий Семеныч. У вас появились проблемы? Звоните моему директору. Пусть он сам объяснит то, что вам непонятно. Я ведь этот номер сопровождаю, в смысле, охраняю, а не того, кто с ним ездит. В салоне может находиться кто угодно и что угодно, вплоть до мешка с дерьмом, мне без разницы. Не знаю, почему вы не в курсе. Но таков общий порядок, и не мне его нарушать. – Багров развернулся и открыл дверцу автомобиля.

Мамон побагровел, но промолчал и, резко повернувшись, ушел в дом. Конечно же он не ожидал такого поворота дела. А Багров со смутным ощущением назревающих неприятностей залез в джип. Нет, он не собирался уезжать без приказа начальства. И тут как раз его «достал» телефонный звонок босса.

От быстрой езды неприятные мысли, коих и было-то не так уж много, сами собой выветрились, рассеялись, вернув Багрову, имевшему сегодня все основания неплохо оттянуться с мягкой и жаркой Олечкой, хорошее настроение.

Однако вот, оказывается, какая фигня получилась!..

– Ну докладывай, майор, – по старой привычке обратился к Багрову Брусницын, когда тот вошел в его кабинет.

Было уже совсем темно, шел одиннадцатый час, у всех рабочий день давным-давно закончился. Может быть, потому тон Игоря Петровича был таким мрачным и неприятным. Ну да, все вокруг давно отдыхают: водку пьют, с девками валяются, а ты сиди тут и выясняй, кто, зачем и почему? Любой озвереет.

– Дак чего рассказывать? – Багров с невозмутимым видом пожал плечами, сел в кресло возле большого письменного стола, напротив босса, и с сожалением подумал, что Олечка сегодня, похоже, срывается.

Игорь Петрович, открывая при своем Благотворительном фонде охранное предприятие, отгрохал себе этот служебный кабинет, заполнив его тяжелой антикварной мебелью и развесив по стенам картины в тяжелых рамах. В Фонде же, который располагался в центре, на Басманной, все было скромно, как и положено «благотворителям». Но Багров в этих «приколах» ничего не понимал, да и не желал терять на них времени: ну нравится генеральному именно так, и пусть тешится. Солидно, говорит, все у нас должно быть, тогда и клиент пойдет соответствующий, достойный. А когда есть клиент, есть и хорошая зарплата. И субсидии Фонда тоже сквозь пальцы не утекают, приносят определенные доходы. Нет, у Багрова не было возражений против того, о чем говорил и как действовал Брусницын. Но вот разве что его некоторая нерешительность напрягала.

Сам Багров привык и на службе, и в быту действовать, как когда-то в Чечне: меньше задаваться ненужными вопросами и не особенно напрягаться умственно. А если чего непонятно или сложно – рубить сплеча, исходя в любых ситуациях из собственного, конкретного и разум-

ного, понимания вещей. И опять же, как человек военный он привык безоговорочно подчиняться приказам начальства. Дело оставалось только за тем, чтоб и приказы были разумными.

Владимир Харитонович поерзал слегка, устраиваясь в тесноватом для его габаритов кресле, и повторил:

– Чего рассказывать-то? Ты и сам уже, вижу, в курсе. Если речь о той дамочке... Вот, кстати, ее права, Мамон велел передать. Между прочим... Петрович, ты знаешь, я на клиента стучать не люблю, но этот Мамон, когда мы уже приехали и он отправился выяснять исходные данные этой бабы, ну в смысле ее возможности, параметры там... во всех, надо понимать, отношениях, так вот, вернулся он сильно не в себе. Будто ему хороший пистон вставили. Ну, знаешь, как бывает, когда в спешке не на той оттянулся. К примеру, на командирской бабе. Поторопился, субординацию забыл, а объект оказался не по зубам. Вот и этот тоже. И сразу базар: кто тебе велел права у нее отнимать?! Так сам же и велел. А он мне – совершенно уже внаглую: я, мол, такого не приказывал и прочее. Будто я нарочно придумываю! Ну то есть в портки наложил, а подмыться не получается. Вот и дальнейшие наши услуги ему как бы не нужны. Короче, он сам тебе будет звонить, если еще не позвонил. А я, – Багров даже хохотнул от удовольствия, – воткнул ему напоследок. По поводу автомобильного его номера. Ох, Петрович, и надоели же бандиты! Я думаю, откажется он от услуг «Юпитера».

– Ты думаешь, да? – язвительно спросил Брусницын. – А каким конкретно местом, не подскажешь? Ну-ка давай подробно рассказывай, что за беспредел вы сегодня учинили возле «Гута-банка»?

– Мы? – с недоумением пожал плечами Багров. – Да не мы, а конкретно этот козел, Мамон...

И бывший майор стал рассказывать о дневном происшествии. А бывший его командир, глядя в стол, молча слушал, не перебивая, и только шея его словно наливалась кровью, становясь опасно багровой. Наконец охранник замолчал. Все, что он хотел, он высказал и виноватым себя так и не почувствовал. Смущало только странное настроение гендиректора. И босс заговорил:

– Знаешь, Багор, я с великой охотой немедленно уволил бы тебя к известной тебе матери! То, что ты – дубарь, у которого в башке вместо мозгов одни опилки, мне еще с прошлой службы известно. Ты пытаешься уверить меня, что думал. Но почему ж ты тогда не подумал о том, что из-за вас обоих мы все уже завтра будем иметь очень крупные неприятности и окажемся в глубокой заднице? Хотя да, я забыл, тебе же, в сущности, нечем думать-то! Ну Мамон – он неандерталец, а ты-то ведь аж до майора дослужился! Вроде человеком был! Просто не знаю, что мне с тобой теперь делать...

– Дак а при чем тут я? Клиент приказывает, мое дело исполнять. Так прописано в договоре.

– Вот именно, прописано. Нет, Багор, ты примитивнее дубаря. Тебя уже не исправить. Значит, я принимаю такое решение. Отправляйся в секретариат и скажи, что я приказал пробить тебе все данные по этой женщине, адресок и все такое. А прямо с утра сам звонишь ей. – Он пальцем осторожно отодвинул по столу к Багрову обе карточки. – Да будет тебе известно, что она жена помощника генерального прокурора Российской Федерации, сечешь? Так вот, звонишь и просишь принять тебя, блин. Отвозишь ей права, вручаешь их вместе с букетом цветов и на коленях умоляешь простить тебя, объясняя свое хамство приступом хронической болезни после полученной в Чечне тяжелой черепно-мозговой травмы, понял? А деньги за ремонт ее машины нам немедленно переведет твой Мамон, если он не хочет на свою жопу еще более крупных неприятностей. Но это уж мои заботы. А ты пока свои бабки отдашь. Но если тебя не примут и пошлют к матери, можешь с ходу писать заявление по собственному желанию в связи со срочным отъездом... все к той же известной тебе матери! Иди отсюда! Сам открыл, сам и закрывай проблему! Завтра доложишь об исполнении. Или... не хочу объяснять.

Когда совершенно обалдевший и растерянный Багров покинул кабинет, Брусницын еще посидел, листая свой блокнот с записями, а затем снял трубку городского телефона и нажал в его «записной книжке» нужный номер. После нескольких длинных и словно полусонных гудков он решил, что уже в самом деле поздно, но трубку неожиданно сняли. Глухой и явно нетрезвый голос невнятно спросил:

– Какого хе-е...? – и громко зевнул. Или икнул спросонья.

– Очнись, Мамон, рановато нажрался! – грубо бросил в трубку Брусницын.

– А это х-х...то? А-а-а! – кажется, узнал наконец. – Ты, что ль, Брус?! Ага-а-а... вот ты-то мне и нужен! А ну слушай сюда! – обрадовался уголовник, он явно трезвел «на глазах».

– Нет, Мамон, это ты сейчас «слушай сюда» и крепко запоминай. А если ослаб памятью, так записывай! Что ж ты, называешь себя авторитетом, а сам как последняя падла, как мелкая гнида, гадишь вокруг себя и всех нас?! Забыл уговор? Так я тебе напомню! Но только ты сразу после нашего разговора переменишь место своего жительства. Переедешь из чеховских хором прямиком в Бутырку. Потому что больше уже не отмотаешься, а пойдешь по делу Гуся, и не свидетелем, а соучастником. И это я тебе гарантирую, а ты меня отлично знаешь.

– погоди, Брус, ты чего взъелся? Я, что ль, тебе дорогу перешел? Твою бабу увел? Чего зря базаришь? Если этот твой козел успел, сучара ментовская, настучать, так я ему сам пасть порву! Я ему...

– Заткнись, – спокойным тоном сказал Брусницын, и, странное дело, Мамон притих. – Ты с кем сегодня созванивался? С Серегой Ершовым, да? Отвечай, когда я спрашиваю!

– Ну.

– И не «нукай» мне, а отвечай как положено, – резко рявкнул Брусницын. – Я таких гнедых, вроде тебя, сам на допросы конвоировал, когда ты только учился мамкину титьку сосать! О чем был базар с Серегой? Учти, я сейчас ему перезвоню и проверю, и если соврешь – пеняй на себя!

– Да об той сучке все... – неохотно сказал Мамон. – Ну кто ж знал-то? Да и мне она – без разницы, а вон как повернулось...

– И ты с ходу решил свалить вину на моего парня? Нет, не могу взять своих слов назад, даже если бы и очень хотел. Не могу, Мамон. Гнида ты. А теперь слушай дальше. Ты крепко залетел. И это дело уже на контроле у Фролова, начальника УГИБДД.

– Ну и что? Страшней зверя нет? Сколько надо ему на лапу? – Мамон как будто успокоился. – Назови, чего мараться? И сучонке той – тоже, чтоб заткнулась.

– Думаю, у тебя просто не хватит бабок. Да и не в них дело, а в принципе. Жаль, что Серега тебе этого не объяснил. В общем, так. С твоим номером пусть Серега сам и занимается, он тебе его организовал, вот ему и заботы. А то у него своих мало. Милицейское сопровождение мы снимаем, а твой джип, поскольку договор расторгается в одностороннем порядке, то есть по твоему требованию, остается у нас, навечно. Да он тебе теперь и без надобности. Дальше. Бабки на ремонт машины, которую ты «отодвинул» в сторону, перечислишь по первому требованию пострадавшей.

– Да погоди ты, Брус! Не бухти!

– Третье! – жестко продолжил Брусницын. – Я тебе никакой не Брус, а Игорь Петрович Брусницын. И было бы гораздо лучше и правильнее, чтобы мы с тобой вообще друг друга не знали и знакомы не были. Понял? И все охранные дела осуществлялись нашим агентством по договору с твоей фирмой, а не с тобой лично, усек? Если же еще раз услышу от тебя «Брус», я уже сказал, куда тебя переселят. Причем сразу и помимо твоей воли.

– Ну ты даешь, бля-а-а... – совсем расстроился Мамон.

– А теперь отдыхай и с утра вплотную займись собственными проблемами. Постарайся не опоздать, потому что там люди тоже не спят и уже все про тебя знают. А лично я спасать твою задницу, когда ты так жидко обгадил, не собираюсь. И без тебя вони хватает. Все, отбой.

Мамон услышал в трубке короткие гудки, но еще долго держал ее в руке, тупо пялясь в пространство. Потом в гневе швырнул телефон от себя.

Брусницын сделал пометку в своем блокноте, подчеркнул в записях фамилию Ершова и закрыл блокнот, оставив заложенным на странице карандаш. Будучи в душе человеком военным, он любил во всех делах порядок. Рабочее утро начнется у него с разговора с Ершовым.

Заместитель начальника Управления внутренних дел Юго-Восточного округа полковник милиции Сергей Георгиевич Ершов являлся также одним из тех, кто никоим образом не был заинтересован в том, чтобы дурацкое дело, возникшее по вине бывшего уголовника, а ныне известного (конечно, больше в криминальных кругах) предпринимателя Гришки Мамонова, получило общественный резонанс. Ну а если уж никак этого не избежать, то хотя бы завершилось с наименьшими моральными потерями. Финансовые – черт с ними. Тот же Мамон, сучий потрох, и выложит бабки. Пусть только попробует не оплатить!

Дело Гусева, следствие по которому тянулось уже второй год, – вот что было тем основным крючком, на котором Игорь Петрович Брусницын крепко держал и некоторых своих как бывших, так и действующих коллег из МВД, и бизнесменов, по которым давно тюрьма плачет, и даже криминальных авторитетов. Мир-то ведь сложен, многогранен, и его многочисленные плюсы и минусы взаимно притягиваются и взаимно отталкиваются, считай, на каждом шагу.

И бывший полковник внутренних войск, который так и не научился до сих пор ощущать себя «бывшим», но почему-то любил, когда подчиненные называли его уже не полковником, по старой памяти, а боссом, степенно поднялся из своего кресла с чувством уверенности, что правильно решил очередную тактическую задачу.

4

С утра у Ирины Генриховны начались новые неприятности. Собственно, может быть, это не совсем то слово, но в ее сознании после вчерашнего происшествия уже, кажется, любые, даже самые рядовые, события несли ощущение опасности.

Застолье закончилось поздно, но Вячеслав ни за что не захотел остаться и отпустить своего водителя, который весь вечер проторчал у подъезда в ожидании начальника. Ирине пришлось даже сбегать к нему и отнести бутылку пепси-колы и пару котлет, переложенных ломтями батона, – жалко же человека! И не так чтоб уж здорово выпили, но разговаривали друзья, сидя на кухне, еще долго. А она пошла спать. Волнения минувшего дня утомили ее, и Ирина заснула мгновенно. Рано вставать не было никакой необходимости, занятия в училище у нее начинались с середины дня.

Словом, когда проснулась, комната была залита ярким солнечным светом, а мужа, естественно, уже не было. Сколько бы с вечера Турецкий ни принял «на грудь», утром он вставал рано и, как в молодости, выглядел молодцом – прямой и сверкающий свежевыбритыми щеками. Нинка тоже давно в школе. Особых дел нет.

Вот она и лежала, расслабившись и глядя в высокий потолок, который давно требовал ремонта. Сколько уже времени обои не меняли? Пять лет? Нет, семь, пора уже. И эта новая неожиданная забота сразу чуть подпортила умиротворенное утреннее настроение.

А потом раздался телефонный звонок. Она перевернулась на бок и взяла с тумбочки телефонную трубку, будучи абсолютно уверена, что это супруг интересуется ее моральным состоянием – «облико морале», так сказать. Она ведь тоже не удержалась вчера и от огорчения дернула-таки почти целую бутылку сухого вина. Правда, сейчас чувствовала себя вполне прилично. Ну а он, конечно, первым делом продиктует ей свой персональный рецепт, пригодный, кстати, на все случаи жизни: контрастный душ, чашка горячего кофе и рюмка коньяку. И все,

валяй на новые подвиги! Совет, разумеется, неплохой, отстраненно подумала Ирина, но сейчас никакой нужды в нем не было.

– Ну слушаю тебя, – улыбаясь, сказала она в трубку и удивилась при этом некоторой хрипотце в своем голосе.

– Извините, Ирина Генриховна, – раздалось в ответ, – но я точно не тот, кого вы имеете в виду. Очень прошу вас не бросать трубку и выслушать. Иначе уже сегодня мое собственное разъяренное начальство съест меня вместе с говном, извините мне такую вольность...

«Эва! – едва не воскликнула Ирина. – Это еще что за джентльмен из подворотни?» И потом, голос в трубке ей показался смутно знакомым.

– А вы кто и что вам от меня надо? – недовольно спросила она.

– Буквально два слова. Зовут меня Владимиром Харитоновичем. А являюсь я тем самым хамом-охранником, совершенно незаслуженно оскорбившим вас вчера. И теперь мне грозит увольнение.

– А я тут при чем? Это же вы – хам, значит, так вам и надо.

– Да, я заслужил, конечно, заслужил, нет слов, – виноватым голосом сказал мужчина. – Мое начальство распорядилось так. Я должен принести вам свои глубокие извинения, вернуть водительские документы и гарантировать оплату всех расходов, касающихся повреждений, нанесенных вашей машине тем человеком, которого я сопровождал. Вот, и еще я цветы тут вам привез, букет. Это чтоб вы по-честному извинили меня. Ну а если нет, то, значит...

– Значит, что?

– Ну говорю же, пойду писать заявление по собственному.

– Наверное, это будет правильно. – Ирина не выказала никакого сочувствия, но сама ситуация ее почему-то позабавила. – А вы хоть писать-то умеете? Может, вам продиктовать? Чтоб без грамматических ошибок? – улыбнулась она.

– А чего? Я разве против? Не, вы не думайте, Ирина Генриховна, что если я воевал в Чечне или что меня там здорово ранило...

– Куда ранило-то? – невольно вырвалось у Ирины.

– Не, ну вы даете! – Охранник как-то очень душевно и будто облегченно рассмеялся. – Да башку пробили «чехи» проклятые. Черепно-мозговое называется. Но ране-то что, она зажила, а вот затмения местного значения, как наобещала мне там одна симпатичная врачиха, случаются. Вот и вчера, думаете, я все помню, что и как говорил? Это мне позже сказали.

– Кто сказал-то? Милиционер?

– И он тоже.

– Ну будет врать. Нас всего трое и было. Короче, чего надо?

– Да вот, права...

– Опусть в почтовый ящик. Номер девяносто два. Можешь консьержке внизу отдать, я позже возьму.

– А это... насчет цветов? И договориться бы... Оценка нанесенного ущерба опять же...

– А насчет всего остального, как меня уже предупредили вчера в Министерстве внутренних дел, – Ирина врала, но не сильно, Славка был начальником одного из Главных управлений МВД, – разговор с участниками ДТП состоится в кабинете у Федора Александровича Фролова, начальника московского ГАИ, или как там оно теперь у вас называется. Причем он меня лично предупредил, чтоб ни в какие переговоры самой не вступать. Так что можешь звонить на Садовую-Самотечную и договариваться. А я подъеду, когда меня пригласят. Все, разговор закончен.

– Погоди!.. – заторопился охранник. – Ой, извини... то есть извините. Послушайте, Ирина Генриховна! Ну давайте договоримся по-человечески. Ну пожалейте уж, что ли... Да я вам хоть новую машину обеспечу, только скажите. Меня же, если сейчас уволят, больше ни в какую охрану не возьмут, с моим-то здоровьем! Так чего ж тогда остается, куда податься, в бандиты?

И чтоб ваш супруг меня потом на нары отправил, да? А как же профилактика преступности? А судьба человека? Даже и не по-христиански как-то...

– Ну насчет здоровья на меня давить не надо, судя по твоему виду, ты еще можешь запросто не один вагон угля лопатой разгрузить. И «будку» раскормил – дай боже, и смотришься обыкновенным «бычарой», уголовником. Тоже мне христианин! Это я к вопросу о профилактике. Поздновато, думаю, тебя человеком-то делать. Уж что есть, то есть. И никто тебя никуда не уволит, потому что именно такой ты своим хозяевам и нужен, верно? А приехал ты сюда потому, что тебе так приказали. Чтоб дело закрыть и волны не поднимать, так? Ну чего молчишь?

– Удивляюсь. Умная ты баба, все просекла! Ей-богу, искренне уважаю. Конечно, по правде говоря, вот тот, который тебя отодвинул, он больше всех в штаны наложил. А я что? Я обычный охранник и всегда крайний. А крайних, как правило, и сдают. Вот в чем причина. Но насчет ранения... тут я тебе не соврал. Честно, бывают затмения. Хотя в нормальной жизни я еще очень даже, подружки, во всяком случае, не жалуются, а сами обратно прибегают. А чего? Один живу, как перст, ни жены, ни детей, ни родителей. Бабки платят хорошие, свое жилье – тоже. Боевые соратники – сама представляешь, что в основном за публика. Такие же, как я, которые Чечню прошли, кто, может, получше, кто похуже. В общем, скажу, на жизнь не жалуюсь, точнее, не умею, не научился. И жалость к себе вызывать тоже не люблю. А женщины, про которых говорил, они не для души – для тела. Бравада у меня такая, понимаешь?

– Чего это ты вдруг решил мне исповедаться? – Ирина хмыкнула.

– Ну а кому ж еще-то? Да и стыдно мне. Вот обхамил тебя вчера – ни за что, а в душе до сих пор такой осадок, будто сам дерьма нажрался. Ком в горле аж стоит.

– Интересно! – засмеялась Ирина, незаметно для себя проникаясь к собеседнику, может, еще и не симпатией, но уже чем-то похожим на нее. Сочувствием, что ли? – А водкой прополоскать не пробовал?

– Ну вот видишь, тебе все шуточки... А я б и глаз от стыда не смог поднять, если бы на тебя посмотреть пришлось.

– Так и не смотри.

– Наверное, ты права, извини. – Он вздохнул, и вздох, как поняла Ирина, был искренним. – Ладно, спасибо, что трубку не бросила. Хорошая ты женщина. Я всегда крепко завидую тем мужикам, которых такие, как ты, любят... Значит, документы я твои у старухи оставлю. Она сидит вон, газету читает, а сама на меня зыркает, как на моджахеда какого. И цветы я для тебя у нее оставлю, ладно? Красивые, ты их сразу-то не выбрасывай, пускай хотя б денек постоят. А телефончик я тебе вместе с документами оставляю, и, когда страховщики оценку произведут, мы сразу полностью и без базара оплатим счет. Судиться там или разборки устраивать никто не будет, зуб даю. Виноваты. А ты не держи на меня зла...

Ага, злорадно подумала Ирина, которая чуть было уже не передумала и не собралась спуститься к подъезду, чтобы продолжить странную беседу с не менее странным гостем, – не удержался, прорвалось-таки у него! Разборки, базар – ну как же, родной сленг! А ведь она чуть было не прониклась его речью.

Она полежала еще немного, но теперь уже сама идея поваляться без всяких забот как-то истончилась до такой степени, что вовсе пропала. И беспечное лежание показалось глупостью. Нет, надо встать и первым делом спуститься в подъезд. Или нет, сначала надо позвонить Шурику, а если того не окажется на месте, то Славке и рассказать об этом весьма любопытном телефонном разговоре. Интересно, как ониотреагируют, что скажут?

Пока поднималась, умывалась, увлажняла любимыми кремами лицо и укладывала волосы, решила, что права надо забрать в любом случае. Может, это все вообще чей-то злой розыгрыш. Хороша же она будет, когда наплетет историю, которая не получит ни малейшего

подтверждения! Все-таки она была женой следователя и соответствовать каким-то принципам считала для себя крайне необходимым.

Надев длинный домашний халат, Ирина захватила ключи и подошла к двери. Но в последний момент услышала, будто что-то упало, причем где-то рядом, а что конкретно, непонятно. Она остановилась и осмотрелась. В прихожей все было в порядке. Может, в спальне?

Вошла туда и... рассмеялась. На полу валялась телефонная трубка, которую она, видно, после длительного разговора неаккуратно положила на аппарат. Вот она и соскользнула на пол, хорошо – на ковер, а то бы разбилась. Надо же.

Ирина подняла ее и хотела вернуть на место, но вдруг в голову пришла элементарная мысль: если уж все равно телефон в руках, чего ждать? И набрала номер мужа. Занято. Снова набрала, и снова занято. Поняла, что, если Шурик говорит по телефону, тем более городскому, это надолго.

Тогда она набрала номер Грязнова – и, надо же, тоже занято! Ну конечно! Это ж они и треплются, как две болтливые кумушки-соседки! А вот сейчас она им покажет! Нет чтобы сюда позвонить, поинтересоваться утренняя здоровьем жены и подруги! С кого начать? Решила с Грязнова. Достала свой мобильник и вызвала в «меню» его номер.

– Грязнов, – по привычке ответил Вячеслав.

– О чем это ты, милый друг, так долго болтаешь, что ни к тебе, ни к дружку твоему целое утро не пробиться?

– А кто это? Ира, ты? Извини, секунду! – Грязнов, наверное, закрыл ладонью микрофон, потому что воцарилась тишина, а через полминуты снова раздался его голос: – Прости, ради бога, у меня тут сумасшедший дом. Какие проблемы?

– Я думала, вы с Шуркой... – почти обиженным тоном заметила Ирина.

– Мы с ним уже разговаривали. Ты как, в порядке? Никто еще не звонил?

– Здравствуйте! Так я именно по этому поводу и звоню. Было уже, все было, Слава...

И Ирина стала рассказывать о телефонном разговоре с неким Владимиром Харитоновичем, который представился вчерашним грубияном-охранником, оскорбившим ее, а сегодня приехавшим с цветами и документами просить у нее прощения. Подробно пересказывала про все его откровения, даже про женщин не забыла, которые к нему сами прибегали, и получала при этом какое-то странное, отчасти садистское удовольствие, а Вячеслав не перебивал ее и внимательно слушал. Последнее она поняла потому, что, пока рассказывала, слышала, как у него раздавались звонки, а он брал трубку и с ходу негромко произносил одну и ту же фразу: «Очень занят, позвоните через десять минут». Вежливый! Наконец, она закончила и сказала, что хотела уже спуститься к консьержке за своими правами, а потом уже позвонить им, но чистая случайность отвлекла. Ну так она пошла? Надо потом перезванивать?

И вдруг молчавший и никак не реагировавший до сей поры Вячеслав словно взорвался криком:

– Ты в своем уме, Ирка?! Совсем с ума сошла?! Не смей! Ни шагу из квартиры! И дверь никому не открывай!.. Уф-ф-ф... ну, мать, ты у нас все-таки не от мира сего... Значит, слушай меня внимательно и больше к двери не подходи. Надеюсь, она закрыта на все замки? Проверь, если нет, немедленно закрой все, какие есть. И сиди жди, когда я пришлю своих ребят. Либо сам подъеду.

– Но погоди... – Ирина была просто ошарашена таким неожиданным и, главное, эмоциональным напором. – Почему мне нельзя? Он же сам сказал, этот Владимир Харитонович, что оставил документы, цветы и номер своего телефона внизу, у Марьи Петровны! Или ты полагаешь?..

– Вот именно, полагаю, – отрезал Вячеслав. – И дай Бог, чтобы я ошибся. Когда у вас состоялся разговор?

– Ну-у... я потом в ванную пошла, оделась, с тобой вот... Ну сколько? Минут тридцать, наверное, прошло, не больше.

– Отлично, засекаю время. А ты сиди и жди, когда тебе позвонят. И городской телефон не поднимай.

– Но ты же сам только что...

– По мобильнику, балда ты этакая!

– Вячеслав Иванович, а вам не кажется?.. – обиделась Ирина.

– Кажется, кажется, успокойся, лучше я потом перед тобой сто раз извинюсь, чем... а, ладно! Кого ты из моих в лицо помнишь? Нет, я лучше Денискиных ребят пришлю к тебе, им поближе. Сиди, перезвоню. А вообще, чтоб не терять зря время, можешь пока, по Санькиному рецепту, принять рюмку коньяка – у тебя там осталось немного от вчерашнего – и сварить кофе.

– Интересное дело! – капризным тоном протянула Ирина. – А контрастный душ?

– Так ты ж ведь уже одета! Какой еще душ? Думай, чего говоришь!

И короткие гудки. Вот те, как говорится, и на!

Нет, подумала Ирина, что-то здесь все-таки не так. Не в том смысле, что хотела немедленно нарушить Славкино указание – на подобное она бы не решилась. Но почему-то разговор с охранником показался ей достаточно искренним. А если это так, то никакой опасности для нее он не представлял. И тем не менее...

Ирина отправилась на кухню, где обнаружила на нижней полке холодильника примерно четверть бутылки недопитого коньяка. Это мужики, отправив ее спать, продолжили свой «паб-кролл» – виртуальное путешествие по пабам, то бишь английским пивным, подразумевая при этом, естественно, вовсе не паб, а элементарных баб, до коих с молодости были большие охотники. А сейчас разве что вспоминали иногда о прошлых своих «подвигах», и то по пьяному делу. Ирина это знала и не сильно теперь переживала – все равно когда-нибудь успокоятся...

Она засыпала в кофеварку молотый кофе, выколотив в ведро для мусора прежний, вчерашний и обнаружив в нем приличную горку уже использованного – они и тут вчера неплохо потрудились, как им только сил на все хватает! – и включила аппарат.

А когда кофеварка, шипя, выдала последний пар, Ирина вылила кофе в чашку, подумала и добавила немного сливок, потом налила рюмку коньяка и... словно ныряльщик в ледяную воду, вмиг проделала все необходимые операции. Коньяк обжег гортань, а кофе сразу ее охладил, то есть привел в норму. И еще через мгновеньи всякое напряжение у Ирины исчезло, на душе стало легко и просто. Голова стала ясной, даже, наверное, больше, чем было нужно. Действительно, какой еще контрастный душ?! Нет, но что-то в этом все-таки есть...

И тут она вспомнила о Славкином указании проверить входную дверь. И какие сложности?.. Но, выйдя в прихожую, Ирина вдруг снова испугалась. Вот она сейчас подойдет к дверному глазку, приподнимет кружок, чтобы выглянуть на лестничную площадку и посмотреть, где там притаился бандит, а оттуда немедленно грянет выстрел... Так обычно бывает в кино. А почему именно так? Молодых киллеров, что ли, учат? Не-ет, этот прием, или пример, можно сказать, хрестоматийный, и он наверняка вызывает оскомину у профессиональных убийц. Но ведь сколько обывателя ни учи, сколько ему ни подсказывай – не суй нос не в свои дела! – он все равно танком прет на опасность. Вот как сейчас она.

Ирина напряглась и на цыпочках подкралась к двери. Защелка английского замка была закрыта. А вот второй, сейфовый, надо проверить. Обычно Шурик, уходя вместе с Нинкой, запирает и его. Но сегодня-то разве они ушли вместе? И Ирина, словно заправская шпионка, тихо-тихо, почти неслышно, вставила в замочную скважину ключ и чуть повернула его, самую малость. И сразу успокоилась, замок был закрыт. Ну и чего теперь бояться? Смешно!

В кармане ее халата заработал мобильник – она сунула его туда после разговора с Вячеславом. Ирина достала его и нажала кнопку ответа.

– Ирина Генриховна? Доброе утро, это Сева Голованов. Мы уже в относительной близости от вашего дома. На ваш дверной звонок коротко нажмем три раза, тогда подходите к глазку. Не раньше, поняли?

– Так точно! Жду! – отрапортовала она беспечным тоном.

Но через мгновение услышала, как заработал лифт, а через какие-то полминуты громко хлопнула дверь кабины на ее площадке. И лифт ушел вниз. Уж это различить было нетрудно. Да и спина почему-то вдруг покрылась ужасно липким, прямо-таки ледяным потом. Господи, ну да, на площадке же почти все слышно, если разговаривают в прихожей достаточно громко, она сама это прекрасно знает. Поэтому и Шурка не любит болтать по телефону, установленному в коридоре. А вот Нинке – той все равно, но с ней понятно, какие там служебные секреты!..

Однако, может быть, все-таки ошибка? Странное совпадение?

Ирина кинулась в кухню, к окну, однако внизу, во дворе, ничего подозрительного не увидела. Перебежала в спальню, высунулась, чуть не вывалившись, в окно и увидела, как от дома, довольно быстро набирая скорость, «отчалил» в сторону Лужников большой джип, напоминающий черный чемодан, а задний номер у него – Ирина могла бы поклясться! – был синего цвета.

«Ребята» из агентства Дениса Грязнова появились возле ее двери спустя буквально две-три минуты, за которые Ирина так и не успела прийти в себя.

Выполнив все заранее оговоренные условия, то есть дождавшись трех коротких звонков в дверь и выглянув в глазок, Ирина открыла им. Огромный Всеволод Михайлович, а в миру Сева Голованов и невысокий, юркий Филипп Кузьмич Агеев, его напарник, охотно откликающийся просто на Филю, вошли и прикрыли за собой дверь.

– Кофеечком, кажись, попахивает, Ирина Генриховна, – Филя потянул хищным носом, – не угостите?

А Голованов тем временем докладывал по мобильнику. Ирина медленными движениями насыпала и утрамбовывала ложечкой в фильтре молотый кофе, а сама, до головной боли, вслушивалась в его слова. Голованов разговаривал не со своим директором Денисом Грязновым, а с его дядей – Грязновым-старшим.

– Успели, Вячеслав Иванович, засекли... Сто пудов, он... Ага, и номер тот самый. Есть, сейчас все проверим. Ирина Генриховна нужна? Передаю трубку... Ирина Генриховна, с вами хочет побеседовать Вячеслав Иванович! – крикнул он из коридора.

Ирина вышла на непослушных, словно ватных ногах и взяла телефонную трубку.

– Ну? – без всяких предисловий начал Славка. – Теперь поняла, балда стоеросовая?

– Виновата, Слава.

– То-то. В училище и обратно только под охраной ребят, договорись с ними, как они будут подменять друг друга. А все остальное они сделают теперь сами. Значит, еще раз запомни: никакой самостоятельности! Нет, ты пойми, вполне возможно, что тот козел вовсе не собирался убивать тебя. Может, хотел просто припугнуть. Мог и чего похуже сочинить, понимаешь. Девка ты справная, как когда-то говорила про тебя Шурочка, за тобой глаз да глаз... – Это он вспомнил свою покойную начальницу. – Так что рисковать своим здоровьем и нашим спокойствием – ни-ни! Это мой категорический приказ.

– Я поняла, – совсем уже осипшим голосом ответила Ирина.

– То-то! Пока. Отдай трубку Севе.

Но выручил Ирину Филипп. Он забрал трубку и сказал:

– Вячеслав Иванович, он пошел вниз, чтобы уточнить. Вернется, и мы тут все осмотрим и обнюхаем. А потом доложим по команде... Слушаюсь, господин генерал, – закончил он шутливо в ответ Грязнову.

5

Багров, конечно, рассчитывал на то, что она клюнет. Ведь не такое ж он был все-таки бревно, как презрительно называл его Брус. И ума, при нужде, хватало, и обхождения. Не в тайге рос – среди людей.

А вчера, после разгона, устроенного ему начальником, он подумал и понял, что слова словами, а Брус ждет от него в первую очередь конкретного дела. Только сознательно не называет вещи своими именами. Может, ждет, что Багров сам догадается, без подсказки. А может, не хочет лишний раз подчеркивать свое участие в операциях такого рода. Для этого же есть у него исполнители. И Багров – не из худших, не первый год вместе, проверенный.

Ни к какой Ольге он не поехал и даже звонить не стал. Просто задрать девке юбку – много ума не надо, вон их сколько прохлаждается на улице в ожидании, что кто-нибудь подберет. Да только иной раз себе дороже. Он нашел в регистрационной карточке адрес Ирины Турецкой и поехал на Фрунзенскую набережную, чтоб ознакомиться с обстановкой. Он подъехал и, оставив машину возле дома со стороны набережной, вошел во двор, где располагались подъезды. Удивительно, но ему сразу повезло: у одного из них Багров увидел черную «Волгу» с милицейской «мигалкой», а возле нее Ирину, которая передавала водителю бутылку воды и сверток с пищей. Тот принялся закусывать, а Ирина тут же упорхнула в подъезд. Ну какие еще требовались подтверждения? Да и не бежать же за ней следом, тем более что готового плана в голове еще не было, а действовать по наитию, то есть как бог на душу положит, Багров не любил. Значит, надо было еще посидеть. Подождать, подумать...

Надо бы узнать, чья это машина, к водителю которой выбегала в одном халатике Ирина. Явно крупного ментовского начальника. И, судя по тому, что водитель ожидал его, а не уезжал в гараж, ему предстояло еще везти своего хозяина домой. Значит, тот должен был скоро выйти. Но начальник вышел чуть ли не в третьем часу ночи, и не один, а с провожавшим его, видно, тем самым Турецким, которого босс назвал помощником генерального прокурора. И на госте был расстегнутый генеральский китель.

Багров близко не подходил, а бинокля с собой не имел, в джипе оставил, не бежать же теперь. Издали же возраст обоих собеседников, которые отошли от подъезда к машине и теперь стояли так, что их не особо четко было видно, не определишь. Но, похоже, каждый из них давно перевалил на пятый десяток, хотя и не слабые на вид мужики, нет. Но тут как посмотреть, гантельками по утрам, может, еще и балуются, а вот по бабам уже наверняка не ходоки.

Наконец, генерал уехал, а Турецкий постоял еще у подъезда, докурил и, швырнув окуроч в урну, быстро ушел в дом.

Теперь можно было отправляться к себе и начать обдумывать план, что Багров и сделал.

Будильник он поставил на шесть часов, чтобы не позже семи подъехать к своей клиентке. Так Багор называл всех, с кем приходилось сталкиваться во время работы. И ровно в семь он оставил джип у соседнего дома, а сам прошел во двор и занял наблюдательный пост между кустами густой сирени, напротив нужного ему подъезда. Оставалось только ждать – совсем простое дело. Да, в общем, и кое-какой план тоже сложился в голове.

Собственно, сама по себе задача казалась не очень сложной, если бы он мог быть абсолютно уверенным, что при решении ее не возникнет неожиданных трудностей. А вот их-то как раз никогда нельзя исключать, поскольку реакция женщины в определенных обстоятельствах редко бывает предсказуемой.

Итак, по порядку. Как понимал Багров, боссу был категорически не нужен базар, возникший в связи с этим наездом. Ну, как иногда бывает, игра пошла уже по-крупному, у тебя все козыри на руках, и тут твой партнер лепит такое, что тебя самого «ставят на счетчик». Озвереешь! Так то в картах, а по жизни? И еще если ты садишься за стол не с лохами какими-

нибудь, а с ментами в генеральских погонах... Тут одно из двух: либо играй по их правилам, либо, если хочешь диктовать свои, не базлай, когда тебя выставят. А так оно, похоже, и может случиться, отчего и вскинулся босс. Значит, какой выход из тупика? Спустить на тормозах. И желательно по обоюдному согласию и уж тем более без мокрухи.

Вот и прикинул Багров свои, как говорится, возможности. Ну первое, что сразу пришло в голову, касалось самой бабы. Заметно, что дамочка не первой свежести, хорошо за сорок. Да и хлипкая, даже толкового базара учинить не смогла, а лицо у нее вчера просто перекосило от испуга. Муж – крупный чин в Генеральной прокуратуре, но молодых и сильных мужиков у них на такие посты не назначают, а он молодым и не показался. И если еще изредка трахает свою жену, то, скорее, по обязанности. И машинка у нее – так себе, газонокосилка и та ком-фортней выглядит. Небось средства не позволяют. Общий вывод? С таким мужем не разгуляешься. А уж о хорошем пистоне она может только мечтать. Если, конечно, не имеет на стороне паренька, молодого да раннего, которому и дает втихаря – исключительно в целях укрепления жизненного тонуса. Вот, блин, чего женщины только не выдумывают для своего оправдания! От одной из своих телок услышал Багров это умное выражение, понравилось – вроде и без грубостей, и по делу.

Так что если и ей требуется срочно укрепить этот самый тонус, Багров со своей стороны возражений не имеет. А что он сказал Мамону, будто она не в его вкусе, так и на то есть подходящее оправдание. Ты ж в кабаке, к примеру, говоришь халдею: подай мне то-то и то-то. Он и несет, а про возраст той свиньи, из которой приготовлена заказанная тобой отбивная, халдей знать не может, ее шеф для тебя съедобной делает. С помощью того, сего, соусов там всяких, листиков-салатиков. Вот и по жизни так – бабы-то все одинаковые, а если лично тебе чего не нравится, возьми да газеткой прикрой либо раком поверни – и будет без разницы. Некоторые прошлые армейские приятели Багрова называли это своей житейской философией, а вот лично для него – нормалек, обычное дело.

И когда ночью он увидел эту Ирину – не как днем, в брюках, в которых фигуру не разглядишь, а в каком-то легком халатике, с высоко открытыми, длинными ногами, – она совсем не показалась ему страшненькой или старой для него. Правда, света у подъезда было немного, но и того хватило, чтобы успеть разглядеть и сделать вывод: можно, и даже вполне.

Весь вопрос состоял в том, чтобы грамотно вернуть ей права, заручившись дальнейшим молчанием, ну отстегнуть определенную сумму на ремонт той «косилки» – там и «куска капусты» много, в конце концов, всегда можно договориться, накинуть за моральный ущерб и окончательно закрыть проблему, как выразился босс. А если начнет базлать и кочевряжиться, понты всякие разводить, ну тогда можно ее и прижать маленько, показать на деле, как профи умеет поднимать и укреплять жизненный тонус. И тут уж учить Багра не надо, у самого «училка» – дай бог каждому! Вот, собственно, и решение проблемы. Куда она потом пойдет жаловаться? Наоборот, пусть считает, что ей крупно повезло, еще и телефончик попросит оставить. Первая, что ли, такая? Вон их сколько в книжечке-то: Оли, Лели, Юли – одно сплошное ули-люли...

А если все-таки оскорбится и пойдет? Вообще-то не должна, по идее. Да кто их, этих шибко образованных, знает? Ну тогда можно и припугнуть. Что вот, мол, девка, пока ты тут стонала, охала да ножками дрыгала, я успел не только поднять тебе тонус, но еще и пару кадров на память запечатлеть. И показать ей для верности маленькую фотокамеру: будешь дышать в тряпочку, и фотики не понадобятся, а забазлаешь, вся Генеральная прокуратура обхохочется. Тоже старый способ – проверенный...

Владимир Харитонович даже и думать не хотел, что такой вполне проходной вариант может у него вдруг по какой-нибудь причине сорваться. А потому сидел себе в кустах и терпеливо ждал развязки.

В девятом часу утра из подъезда вышел Турецкий с молоденькой, но рослой девчонкой, дочкой наверное. Они прошли к огороженной стоянке машин – Багров проследил – и там

уселись в синий «пежо». Но перед тем немного походили вокруг стоявшего рядом зеленого «жука» с ободранным боком. О чем-то говорили, девчонка показывала пальцем, а Турецкий только качал головой. Потом они уехали, и тогда Владимир Харитонович откашлялся, прочистил горло и набрал домашний номер Ирины Генриховны.

Он постарался быть максимально вежливым с ней и терпеливым, насколько мог, разумеется приготовившись выслушать ее нервные крики и всяческие упреки. Но, на удивление, встретил спокойствие и даже отчасти понимание. Нет, она, конечно, пару раз приложила его мордой, что называется, об асфальт, но не со зла, а походя, решив, небось, что ему в другой раз неповадно будет. Пришлось даже маленько поюлить, изображая смирение и раскаяние, и, кажется, она ему почти поверила. Но, интересное дело, чем дольше длился у них никчемный, в сущности, разговор, чем больше он унижал себя перед этой бабой, тем сильнее ему хотелось, чтобы она сейчас не почти, а полностью поверила ему и пригласила войти. Вот тут бы уже она точно не пожалела! Продолжая разговаривать, он чувствовал, как сильно возбуждается его собственный тонус, а перед глазами, будто нарочно, маячили ее длинные голые ноги под коротким халатиком, которые он, оказывается, запомнил вчера. Ну надо же!

А про цветы он соврал, не было у него никакого букета, не привык он к таким глупостям. Да и где их купишь в шесть-то утра, когда ехал сюда? Про цветы – это он так загнул, для бле-зиру, как говорят. А вообще-то он рассчитывал, что она сама захочет спуститься к консьержке и забрать свои документы. Но тут-то ее и надо будет опередить. А сделать это совсем просто.

Продолжая разговаривать с Ириной, он вошел в подъезд и, зажав трубку широкой ладонью, строго спросил у старухи-консьержки, на каком этаже нужна ему квартира. При этом сунул ей под нос, не раскрывая, свое красное удостоверение с золотым орлом и заявил, что он из прокуратуры и привез документы для гражданки Турецкой. Показал и карточку водительских прав с цветной фотографией Ирины.

Привставшая было, чтобы строже блюсти охрану в подъезде, старуха взглянула и только махнула рукой:

– На шестой езжай. Она, кажись, дома. Может, позвонишь сперва? У нас так положено.

– Да вот же! – сурово нахмурившись, он показал свой мобильник, и та, ничего так и не поняв, снова махнула – иди, мол.

И он пошел. Поднялся на нужный этаж, после чего и «закончил» свою печальную исповедь. И попрощался таким тоном, чтобы она поняла, что определенно оставила в его якобы непутевой жизни заметный след. Им это льстит, и они тогда теряют осторожность.

Потом он немного «поколдовал» в ящике у распределительного щитка, воткнул себе в ухо «улитку» наушника и устроился у двери. Если она станет кому-нибудь звонить, он все услышит.

О чем Багров думал? А о том, что в данный момент Ирина Генриховна наверняка принимает ответственное для себя решение – прямо сейчас сбегать вниз и забрать документы с обещанными цветочками или сделать это попозже? Ведь генерал вчера не зря приезжал сюда. Они, верно, и обсуждали, и советовались, и даже решение какое-то важное для себя приняли. Иначе чего ж до трех-то утра сидеть? Ясно, что просто так они это дело не оставят. А его надо замять – кровь из носу! И остановить заварившуюся кутерьму вполне может сама Ирина Генриховна. А ей, в свою очередь, надо помочь принять правильное и нужное решение. И сделать это сможет только он, Владимир Харитонович Багров, который стоит возле стальной входной двери, в стороне от глазка, чтобы его не могли увидеть из квартиры, и ждет, когда же наконец повернется в замке ключ. Пусть дверь только скрипнет, чуть-чуть приоткроется, а дальше – дело техники.

Он и объяснять не будет, как и зачем оказался здесь, перед дверью. Точнее, это можно будет сделать уже потом, когда она сполна получит свое, а он, не отпуская, чтобы не сильно брыкалась, начнет горячо нашептывать на ушко, как сильно хотел ее и на какие уловки пошел

ради утоления своей безмерной страсти. Тут, главное, не давить на нее грубо, но при этом надо наглядно показать, что у нее все равно никакого другого выхода нет. Как они сами говорят? Видишь, что насилие неизбежно, так лучше уж расслабься и получи удовольствие.

Ну ладно, важно правильно начать, то есть в стремительном темпе, а расслабиться можно будет позже, когда она сама натурально убедится, что имеет дело с влюбленным в нее человеком, а не с маньяком-насильником. Тогда и базар другой получится. Думая так, Багров основывался, конечно, на личном опыте, который его в сходных ситуациях обычно не подводил. Ну за редким исключением. И то в условиях, приближенных к боевым. Но там не сильно-то и разбирались, к тому же командир всегда прав. Поэтому и сейчас у него особых сомнений в своих действиях не было.

Он ждал. И наконец услышал то, чего больше всего желал: приближающиеся шаги. Багров напряженно ловил в квартире за стальной дверью каждый шорох, каждый скрип паркетной доски на полу. Не контролируя своего дыхания, которое, собственно, и выдавало присутствие человека, к двери подошла *она*. Багров напрягся и, нагнувшись, прижался ухом к замочной скважине.

Вот в нее вошел ключ. *Она* старалась сделать это очень тихо, но – почему? Неужели все-таки не поверила?

Ключ между тем заерзал в скважине, чуть повернулся и... замер.

Черт возьми, что *она* еще придумала?!

И вот тут резко запел какую-то неизвестную мелодию мобильник, но не у него, у *нее*! Прозвучала всего одна фраза, но она вызвала у Багрова почти шок.

«Так точно! Жду!» – весело и громко сказала Ирина, словно отпартовала начальству.

И Багров понял, что у него все сорвалось к чертовой матери... Вот же сука хитрая! И как же лихо она его уделала!

Он ринулся к лестнице, уже не рассуждая, но увидел до сих пор стоящую на площадке кабину лифта. Медлить было нельзя. Он захлопнул за собой дверь и устремился вниз. Но пока ехал, успокоился, взял себя в руки и, выйдя на первом этаже, огляделся. Подъезд был пуст. Старуха по-прежнему занималась своей газетой. И Багрову не оставалось ничего иного, как сделать вид, будто ничего не произошло.

– Совсем забыл, передадите, когда она спустится. Странно, сама позвала, а дверь не открывает.

И он быстро вышел на улицу, а затем уже бегом добрался до своего джипа, припаркованного у соседнего дома. Оглядываться и проверяться времени не было. Да он и не совершил еще никакого преступления, чтобы бояться чего-то или кого-то. Но ведь эта дрянь отвечала по-военному, значит, и тот, кто звонил ей, вполне мог иметь отношение к армии. Либо, что хуже, к милиции. А встреча с ее представителями у Владимира Харитоновича Багрова предусмотрена не была.

Но, даже отъехав уже порядочно от ее дома и выворачивая на Комсомольский проспект, чтобы ехать к Садовому кольцу, он все никак не мог успокоиться. Ну разве не стерва? Разговаривала с ним, будто мать родная, посмеивалась, даже сочувствовала! Искреннюю заботу проявляла! А сама тем временем с кем-то уже договаривалась о подмоге... И теперь, решил Багор, повторись ситуация, он уже не станет думать о том, чтобы доставить ей изысканное удовольствие, которого она, разумеется, давно уже лишена, а просто задушит ее. А сам станет с наслаждением наблюдать, как она будет извиваться и корчиться под ним, выпучив глаза и испуская дух.

И эти суки еще в чем-то винят мужиков?! Багрова просто трясло от лютой ненависти к этой проклятой бабе. Олечки-Лелечки? Ну он им всем еще покажет ули-люли!..

– А чего ж ты тогда сбежал, – откровенно презрительным тоном спросил Игорь Петрович, которому Багров, хмуро глядя в стол, пересказывал свою одиссею. – Может, это все туфта обыкновенная! Может, она тебя просто пугануть решила? Ты невольно проговорился, прокололся, а она с ходу просекла. Да и старуха та наверняка ей скажет, что ты поднимался, потом топтался у двери, сам говоришь, минут тридцать и сбежал. И ни адреса, ни букета, как я велел! Ты мне скажи, Багор, у тебя со слухом в последнее время стало плохо? Или это я что-то неясно объясняю?

Багров услышал металл в голосе босса и внутренне подобрался – такой тон не предвещал ничего хорошего. А ведь Владимир Харитонович шел к Игорю Петровичу, чтобы покаяться в своем промахе. Хотя если честно, то он новой вины за собой не видел – никого ж не тронул, нигде не засветился, да и сам телефонный разговор с Ириной никакой другой информации, кроме его собственных сожалений и извинений за причиненные ей неприятности, в сущности, не выдал. Так что, может, еще и пронесет. Ну а его личное отношение к тому, что произошло, – чего об этом рассуждать? Личное – оно и есть личное.

И еще, но это когда злость уже схлынула и он немного успокоился, Багров подумал, что, вернув ей права и пообещав сделать любой необходимый ремонт пострадавшей машины, он тем самым как бы снял общее напряжение. И тон у нее в конце стал скорее доброжелательным, хотя и остался язвительным. Но это у всех баб одинаково, не могут, чтоб свой норов не показать. А Брусницын отреагировал иначе:

– Ну так чего ты явился? Каяться? Так я тебе еще вчера все сказал. Чистой бумаги нет? Найдем... – Босс выдвинул ящик стола и, вынув оттуда лист белой бумаги, протянул через стол Багрову. – На, держи. Ручка есть? Или тоже нету? Вон возьми в стаканчике. – Непонятно было, издевается, что ли? – Слышь, Багор, а как она тебе сказала-то, насчет твоего заявления? Повтори-ка!

– Ну, типа того, что давай помогу, чтоб ошибок грамматических не было... – недовольно повторил он обидные для себя слова.

– Молодец девка! – усмехнулся Брусницын. – И чего ж ты сразу-то не согласился? Вот и был бы повод встретиться. И решить все свои проблемы, а?

– Да она ж нарочно...

– Хоть это понял, – хмыкнул босс. – Чего ждешь? Пиши! Генеральному директору и так далее... Прошу уволить меня по собственному, так сказать, желанию в связи с семейными обстоятельствами... Хотя нет, у тебя ж ни семьи, ни обстоятельств. Ввиду необходимости длительного лечения и невозможности выполнения мною моих служебных обязанностей, – невозмутимо диктовал Брусницын. – Точка. Подпишись. И число поставь, сегодняшнее... Давай сюда. – Он взял заявление, прочитал, аккуратно сложил пополам и уставился на Багрова. – Ну чего ждешь? Чтоб я свой автограф поставил? Поставлю, когда надо будет. А ты вот что, – ухмыльнулся босс, откидываясь на спинку кресла, – напомним-ка мне, как она тебе сказала... ну когда ты пожаловался, что тебя уволят?

– Да чего сказала? «Бычарой» обозвала и сказала, что я вам, типа, такой и нужен. Мол, никто меня поэтому не уволит... – мрачно ответил Багров.

– Ай умница! – захохотал босс. – Смотри-ка, и тут просекла! Ну да, при таком муже... Ладно, – он спрятал заявление к себе в стол и, не глядя на Багрова, добавил: – Иди работай. А заявление твое будет пока у меня. С Мамона я тебя снимаю. Джип передашь Смоляникову и сам поступаешь в его распоряжение, а он уже знает, куда тебя направить. Свободен.

– Игорь Петрович, – пробурчал, поднимаясь, Багров, – товарищ полковник...

– Ну чего, чего? – Босс нахмурился, но глаза на него поднял.

– Спасибо. Век не забуду, – произнес Багор, стоя уже у двери.

– Я сказал: иди. – И когда подчиненный вышел, пробормотал скорее уже самому себе, поднимая телефонную трубку: – Ну что ж, если этот залупаться не будет, оставим без послед-

ствий... – Он имел в виду помощника генерального прокурора, Александра Борисовича Турецкого.

Глава вторая

Завязка

1

Турецкий, сидя в кабинете Фролова, попросил его:

– Федор Александрович, когда у тебя появится возможность или желание устроить «разбор полетов», ты позови меня. Ирку – не надо. Во-первых, она еще не в себе, а после прочих наездов...

– Что, и такое уже было? – обеспокоенно спросил генерал милиции Фролов.

– Все было, Федя, но не будем копать в подробностях, которые к конкретному делу отношения прямого могут и не иметь. Хотя вряд ли. Но ты же очных ставок устраивать не станешь. Нужды в них нет, если виновный готов признать свою ошибку и оплатить ремонт пострадавшего транспортного средства. Я верно излагаю твою мысль?

– Да, в общем... – неопределенно как-то ответил Фролов. – Есть, понимаешь, некоторые аспекты, нюансы, мать их... А если по существу, то у пустякового дела оказалось вдруг столько радетелей, что прямо голова кругом. Мне казалось, что проблем с оплатой не будет, как и встречных претензий. Ну ладно, давай тогда так и договоримся. Но ты Ирину Генриховну все-таки предупреди, ведь фактически пострадавшая – она, а не ее супруг и защитник. Я думаю, мы увидимся где-нибудь завтра, во второй половине, если не возражаешь. Нет? Тогда привет, до встречи.

До встречи так до встречи, решил Турецкий, а Ирине сказал:

– Ты сегодня времени не теряй и вызови представителя своей страховой компании, пусть произведет оценку повреждений. Скажи, что виновник ДТП сам оплачивает ремонт и нужно на основании оценки выставить счет. А будут звонить тебе, приглашать куда-то, отвечай, что простудилась, перенервничала, короче, приболела. Врачи прописали постельный режим. Я сам поеду к Фролову, мы уже договорились.

– Здравствуйте! – раздраженно воскликнула Ирина. – А как же работа? Мне теперь что, и занятия в училище отменять? Это в конце-то учебного года?!

– Такси возьми, если у тебя нет выбора. Но оценку необходимо провести сегодня, до конца дня. Да там у тебя, я смотрел, немного. По «жестянке» – одна небольшая вмятина на дверце, а остальное – грунтовка да окраска. Больше шума, чем серьезного дела.

– Так, может, вообще отказаться от претензий? Подумаешь, копеечное дело! – с вызовом сказала Ирина.

– Нет, отказываться совсем не надо, чтоб они полностью не обнаглели. А что наказание для них выглядит чисто символическим, ну так слава богу, что хоть «выглядит». Короче, занимайся делом, а я поехал служить Отечеству...

И он «служил» до самого вечера, пока не позвонила Ирина и не сказала, что оценщики приезжали, осмотрели машину и составили акт. По их оценке, ремонт влетит «в копеечку», в рублевом исчислении, на сумму десять с лишним тысяч, а говоря современным языком – на триста пятьдесят баксов. Турецкий примерно так и предполагал: игра не стоит свеч, но дело в принципе.

Одновременно возник и другой вопрос: а нужно ли вообще устраивать разборку, да еще в кабинете главного начальника московского ГИБДД? Не выстрел ли это из пушки по воробьям? Ну передать им акт – и пусть оплачивают! Может, действительно не стоит разводить церемонии и восстанавливать справедливость?

Своими сомнениями Александр Борисович поделился с Вячеславом Ивановичем Грязновым. А тот прямо взвился:

– Да ты что, Саня?! Хочешь вовсе оставить этих говнюков безнаказанными?! Они же эти три сотни баксов проституткам по дороге на работу швыряют, пока те их в служебных автомобилях обслуживают!

– За триста баксов? – тоном знатока усомнился Турецкий.

– Ну это я так... – сообразив, что перебрал с суммой, поправился Грязнов. – Суть, Саня, в самом факте!

– Аналогии у тебя, однако, старик, – хмыкнул Турецкий.

– Чего? А-а, извини, Саня, как-то не подумал. Но я бы на твоём месте им не спускал. А что, давай вместе к Феде подъедем? Говоришь, он ужом крутится? Нюансы у него вдруг появились? А вот и поглядим, что это за нюансы! Ох Федя, ох жук!.. Давай потом заедем куда-нибудь, вошьем в него приличную дозу и расколем, а? Не станет же он врать близким своим приятелям?

– А если станет? – скептически усомнился Турецкий.

– Тогда будем знать, с кем дело имеем! – словно обрадовался Грязнов. – Помнишь анекдот про еврея, который изобрел машинку для печатания червонцев? Одному приятелю показывает, другому. А после того как продемонстрировал станок третьему, к нему является НКВД. Предъявляют, говорят, ваш печатный станок. Еврей им: нате, смотрите. Вот сюда я тихо кладу червонец, а с другой стороны он же выпадает на лоток. Я кладу, он выпадает. Те: значит, он ничего не печатает? Еврей: не-а. Те опять: а зачем вам эта херня? И тут мудрый еврей изрекает: но я ведь должен знать, с кем дело имею!.. Слушай, чего я рассказываю? У тебя же точно такое дело было!

– Было, в Люберцах слушали. Только не у меня, а это Юрка Гордеев защищал студентов, которые кавказцев «обули» на подобном своем «изобретении». А Юрка так поставил вопрос, что присяжные хохотали, и те босяки, по-моему, вообще условным сроком отделались.¹

– Ну верно! А чего тогда смеялся?

– А чего ж мне, плакать, что ли? Да и «бэсэду паддэръжэ!» – с кавказским акцентом добавил Турецкий, напомнив Вячеславу другой анекдот.

Едут два «лица кавказской национальности» в купе, молчат. День молчат, другой. Наконец один спрашивает: «Слюшай, куда едем, а?» Второй отвечает: «В Баки едем». Снова вопрос: «Слюшай, в Баки сито есть?» Ответ после длительной паузы: «В Баки есть сито. В Баки каждый семья имеет свой сито... Зачем спросил, а?» Вот тут любопытный и отвечает: «Просто так спросил – бэсэду паддэръжэ...»

Хоть и знал анекдот Грязнов, но расхохотался. И, отсмеявшись, твердо заявил, что обязательно будет присутствовать у Фролова. А вдруг и в самом деле понадобится беседу поддержать?

Федор Александрович не удивился, увидев друзей вдвоем, будто заранее знал об их приезде. Поинтересовался настроением, посетовал на погоду. Мол, синоптики обещали жару, а пока все дождит, и на даче делать нечего, не отдохнешь путем...

А дача у него была в «генеральском месте» – под Звенигородом. Поближе к Москве, конечно, было бы лучше, но именно это «поближе» – уже не генеральское, а, считай, маршальское место – Барвиха, Успенское, всевозможные там Горки и тому подобное. Не тянул пока на владения в тех «райских угодьях» главный московский гаишник. Хотя, надо сказать, некоторые коллеги как-то устраивались. Да и он давно уже не прочь поменять добротный бревенчатый дом с усадьбой на коттедж из красного кирпича и потому старается проявлять повышенную

¹ См.: Незнанский Ф. Лечь на амбразуру. М.: Олимп, 2002.

«гибкость» в решении некоторых вопросов, вызывающих неоднозначную реакцию «наверху». Но опять же эти вечные нюансы, будь они прокляты...

Вот, видимо, по этой причине и оставался «хороший приятель и честный мужик» Федор Александрович Фролов не в друзьях, а все-таки в приятелях у Грязнова с Турецким. И большего душевного сближения им как-то не требовалось. Приятельство обязывает к одному типу отношений, а дружба – это, насколько известно, нечто большее. А вот тональность разговоров не менялась, всегда оставаясь в высшей степени доброжелательной.

– О, какие люди! – изобразил искреннюю радость генерал при виде посетителей, входящих в его кабинет.

– Добавь традиционное: и без охраны, – хмыкнул Грязнов, пожимая Федору руку. – Ты на него, – он ткнул пальцем в Турецкого, – не грехи, я тут не в качестве группы поддержки, а исключительно затем, чтобы вы потом, после вашего высокого заседания и прений сторон, если таковые состоятся, не разбежались в разные стороны, а составили бы мне компанию. Есть мысль поужинать. Нет, надеюсь, возражений?

– Чего это вдруг? – Фролов взглянул на Грязнова с подозрением.

– Ну если ты ужинаешь вдруг, а не как все люди, по необходимости, сделаю для тебя исключение. Посоветоваться хочу. По личному делу. А где ж с тобой еще можно пересечься? Не на Житной же. Вот и повод.

– Да? – как-то недоверчиво произнес Фролов. – А что за дело-то?

– Как говорила когда-то моя бабка, на сто тысяч целковых.

– Ну да, откуда твоя бабка могла такие числа знать? – натянуто улыбнулся Фролов.

– Барнаул, дорогой, – нравоучительно заметил Грязнов, – откуда моя бабка родом, всегда на золоте сидел. Для них это – не суммы, понял? В школе надо было не пропускать уроков, тогда б не задавал глупых вопросов.

– Ох ты, гляди, какие мы! – Фролов даже руками развел.

– Такие! – Грязнов погрозил потолку указательным пальцем и показал на один из стульев у длинного стола для заседаний. – А это что за перец? – Всем было ясно, кого он имел в виду.

– Ах этот? – небрежно спросил Фролов, почему-то тоже глядя на пустой стул. – Это, мужики, забавный тип.

– В цирке работает? – наивным голосом спросил Турецкий.

– Почти, – горько усмехнулся хозяин кабинета. – Есть у нас такой мало известный милицейский Благотворительный фонд. Оказывает вспомоществование сотрудникам МВД, пострадавшим в Чечне. Ну вот и...

– И что, всем помогает? – изумился Грязнов. – Так на это же целого государственного бюджета не хватит, а ты – какой-то фонд!

– Там хитрая ситуация, – начал объяснять Фролов. – Есть учредители, есть члены фонда, разовые взносы, процентные отчисления, прочие доходы. А в сумме получается вполне солидно, хорошее дело делают, – вздохнул главный московский гаишник.

– Это ты сам знаешь или тебе сказали, Федя? – не отставал Грязнов.

– Славка, да что с тобой? – засмеялся генерал, но несколько натужно. – Хочешь подробней узнать, спроси. Он сейчас подойдет. Бывший полковник ввэв по фамилии Брусницын. Зовут Игорем Петровичем. Нормальный мужик, так мне кажется.

– погоди, Федор, – встрял Турецкий, – а какое отношение он имеет к моему делу? То есть к тому наезду?

– Он как бы представитель ответчика.

– А кто ответчик? – продолжал интересоваться Турецкий. – И имеет ли он право?..

– Имеет, – ответил Фролов. – Я поинтересовался, мне доложили, что по этой части вопросов к нему не возникало. И оценит, и оплатит.

– Оценку уже произвели. – Турецкий вынул из кармана акт и протянул Федору.

Тот развернул, посмотрел и... заразительно захохотал. На вопросительные взгляды, продолжая смеяться, ответил наконец:

– Ну, мужики, ну, ей-богу, цирк! Триста баксов, а мы!..

– Да вот и я ему говорил. – Грязнов быстро взглянул на Турецкого и едва заметно подмигнул ему. – И на кой тебе хрен возиться, Саня? Ну были бы еще хоть бабки приличные, а то? Не слушает старых друзей, принципиальный, блин! Не знаю, может, по-своему и прав... А чей он представитель, этот, как его, Брусницын, да? Не он же наехал? Ему-то чего? Какая радость?

– Наехал там один мудака, – поморщился Фролов, будто его заставляют говорить о чем-то чрезвычайно неприятном. – Да вот транспорт был не его.

– Привет! – перебил Вячеслав, спокойно усаживаясь у длинного стола. – Ты ж сам помогал мне пробить номер. Депутат Госдумы, за что ж ты его так неуважительно, старик?

– Да не депутат совсем наехал! Его машиной воспользовался один его знакомый. Предприниматель. Земляк, что ли. Хрен их всех разберет. Короче, там у них уже целый скандал, понимаете?

– Ничего не понимаю, – продолжал настаивать Грязнов. – Машина одного, ездит другой, ДТП устраивает третий, а угрожает пострадавшей вообще четвертый! Федя, либо я сам уже тот, кого ты только что назвал красивым именем на букву «эм», либо... Черт его знает, что...

– Вот именно, – подтвердил Федор, – об том, как говорится, и речь. Сплошной «кроксворд», мужики, если разобраться, – засмеялся он неестественно. – С одной стороны, депутат, уважаемый человек, который ни сном ни духом, с другой – тот Мамонов...

– Постой! – насторожился Грязнов. – Это какой такой Мамонов? Как его зовут?

– Его? – даже растерялся Фролов, будто случайно оговорился. – Его... зовут... а как его зовут?

– Не Гришкой случайно? Григорий Семенович – не он?

– Кажется. А что, он тебе знаком? Сейчас придет этот... уточнит.

– А чего уточнять? Кто ж в Москве не знает Мамона Каширского? «Законник», две судимости по статьям сто шестьдесят третьей, сто семьдесят третьей, сто семьдесят девятой – вымогательство, лжепредпринимательство, принуждение и так далее, – перечислял Грязнов. – Хороший уголовный букет. И чего он хочет?

– Откуда я знаю. Думаю, хочет, чтоб было тихо. Помнишь, как еще при Брежневе говорили? На три «ша» – штоб штало шпокойно. Но это, надо понимать, не он и хочет, а те, кого он невольно втянул в разбирательство. – Фролов снова взглянул в акт: – Какие-то триста баксов, а вони поднялось!..

– Черт с ней, с вонью, – небрежно отмахнулся Турецкий, – ты лучше скажи, Федор, полковник-то какое к ним всем имеет отношение? Что-то я никак не пойму!

– А полковник... – словно маленькому, стал едва не по слогам объяснять Фролов, – бывший полковник, а ныне президент Благотворительного фонда «Юпитер» и одноименного охранного предприятия с благотворительными, естественно, целями выделяет органам милиции хорошие иномарки, которые используются нами и в собственных служебных целях, и в качестве сопровождения. Кстати, и этот самый ЧОП, который при фонде, он тоже «Юпитер», охраняет в основном VIP-персон, крутых бизнесменов, ну и прочих, кто может себе позволить охрану на машинах с милицейскими номерными знаками. Понимаешь теперь? Поэтому и возникший шум, как я могу себе представить, сразу нескольких важных персон с ходу задел! Мы ж начали расследование, а куда оно приведет?

– Логично, Федя. – Грязнов с сумрачным выражением лица покачал головой. – Действительно, трудно представить – вор в законе в «мерсе» с депутатским номером и в сопровождении милицейской охраны! Тебя ж первого и спросят, – Слава взглянул на приятеля, Фролов помрачнел, – куда смотрел? Почему бандит с «мигалкой» раскатывает? А если дальше копнуть? К примеру, а кого это наш якобы милицейский Благотворительный фонд на самом-то

деле улаживает? Так не взять ли нам его за причинное место и не пощупать ли на этот самый предмет, а, как считаешь?

Тяжко вздохнул Фролов, но ответил:

– Так тебе и позволили...

– А если не спрашивать позволения, тогда что?

– Авантюрист ты, Вячеслав Иванович. Мне, между прочим, по этому поводу уже второй день с твоей Житной звонят. Знаешь, зачем?

– А то! «Закрой ты это дело, Федя, к едреной матери! Надорвешься». Так?

– Практически слово в слово. Только «надорвешься» ты первый сказал. Остальные считают, что я – не полный идиот и сам все прекрасно понимаю, – произнес Фролов.

– Ну что, Саня? – Грязнов устроился на стуле верхом. – Будем спускать собак на этот «Юпитер», который явно не прав, или погодим? Пожалеем товарища?

– Давай посмотрим, как вести себя будет. Полезет в бутылку – поможем скоренько достать дна. Поведет себя пристойно, отдадим акт и снимем проблему. Но в уме оставим, ага? Как там? – подмигнул Турецкий. – Два пишем, три – в уме.

– А ты, Федя? – Грязнов вместе со стулом повернулся к Фролову.

– А чего я? Я как вы.

– Так, может, – с хитрой ухмылкой сказал Грязнов, – мы пока малость погуляем, а ты ему наедине, так сказать, объясни, как себя следует вести? Чтоб не затягивать разговор, а то какой же после этого дружеский ужин? И поставим на деле крест. Временный, ага, Саня?

– Ты озвучиваешь мои мысли, Славка, – улыбнулся Фролов.

Фролов «провел работу», и, когда Турецкий с Грязновым вернулись в его кабинет, атмосфера была самой доброжелательной. А господин Брусницын – тот просто светился радушием.

Он уже посмотрел оценочный акт и предложил ремонтные работы провести в собственном «сервисе», уже давно и успешно действующем при «Юпитере», обещая все сделать в наилучшем виде. И в кратчайшее время, включая доставку автомашины на ее обычную стоянку, у дома на Фрунзенской набережной. Президент Благотворительного фонда был сама любезность. Создавалось впечатление, что этим делом он занимается всю свою жизнь и оно доставляет ему несказанное удовольствие. Еще бы – делать людям приятное! Так для того и фонд существует! И не просто приятное – иной раз жизненно необходимое! Все это он проговаривал как бы на ходу, не оставляя места и времени для каких-либо вопросов. Да и о чем еще рассуждать, о чем спрашивать, если и без того все предельно ясно.

Брусницын забрал с собой акт, оставил формальную расписку, что его организация, принимая на себя вину и так далее, обязуется в кратчайшие сроки и все остальное. Автограф, число, даже время подписания «декларации». Осталась мелочь – выяснить, когда хозяевам будет удобно передать ключи от машины человеку, который приедет за ней на фирменном эвакуаторе.

Турецкий с интересом разглядывал собеседника. А он очень неплохо выглядит, подумал Александр Борисович. Рослый, далеко не седой, хотя, наверное, давно перешагнул за «полтинник», крепкий, с доброжелательным и открытым лицом. Русые волосы свисали челкой на лоб, светлые, почти бесцветные глаза напомнили Турецкому одного киллера, которого он года два назад брал в Петербурге. То же было доброжелательство и то же, кстати, чувство собственного превосходства, которое ничем не затушуешь, даже если поставить человека в сильно зависимые условия. Сильная личность, так сказать. А вот светлая она, под цвет волос и глаз, или темная – полная им противоположность, этого сразу не разглядишь. Настоящий полковник, одним словом.

И тот «лоб», как окрестила охранника Ирина, работает у него. Значит, наверняка тоже из «бывших».

– А тот парень, Игорь Петрович, что документы у консьержки оставил, он-то как? Не болеет, не страдает? Запором там либо наоборот? – обратился Турецкий к Брусницыну.

– В смысле? – будто не понял вопроса полковник.

– Да уж больно подозрительно вел себя... Не докладывал? – пристально глядя в глаза ему, заметил Турецкий. – А у меня на эту публику глаз уже наметанный. И слух тоже, понимаете? – Турецкий улыбнулся.

– Ах вон вы о ком! – «вспомнил» полковник. – Не работает. Уволен. Я это называл самодеятельностью. В те еще времена, понимаете? Но тогда такая «самодеятельность» была чревата кровью, как правило, твоих же товарищей. А сейчас куда более печальными последствиями, я имею в виду – в моральном плане. Неуважением и недоверием к тебе твоих клиентов. Я потребовал объяснительную, после чего он написал заявление. И я не стал его удерживать, не стал ничего объяснять, чтобы не создавать плохого прецедента. Все слова мною были сказаны еще до его поездки на Фрунзенскую набережную. Он, видимо, не понял либо пропустил мимо ушей. Ваше мнение на этот счет, Александр Борисович? – предельно вежливо поинтересовался полковник.

Ух ты как! Вот это напор. Турецкий даже на мгновение растерялся, но ответил:

– Полностью разделяю вашу позицию, Игорь Петрович. А что касается Мамона Каширского, то...

– Полностью признаю свою вину, – поторопился полковник. – Охрана его уже снята, а проблемы его транспорта – это пусть разбираются свои службы в Государственной думе. Вы не поверите, Александр Борисович, – лицо полковника, которое только что изображало гнев и непонятное ожесточение, вдруг расплылось в улыбке, – закон об охране выглядит таким образом, что мы, то есть охранная структура, на самом деле сторожим, грубо говоря, не личность и даже не сам автомобиль, а автомобильный номерной знак. Абсурд ситуации в конечном счете заключается в том, что, прикрываясь этим номером, кто угодно может перевозить в салоне что угодно, вплоть до того же гексогена или наркотиков. И такое положение распространяется на сотрудников Главного управления вневедомственной охраны, я интересовался, та же картина. Чудовищно! Но – таков закон. Я им говорю, в Думе, пересмотрите, ребята! Но у них хватает времени на все, кроме того, от чего, в сущности, зависит нередко и государственная безопасность. Такова картина... Что ж, если вы не имеете ко мне дополнительных вопросов, могу ли я считать, что печальный конфликт исчерпан?

– Разумеется, – Турецкий радушно развел руками и посмотрел на Фролова: – Вы, надеюсь, не будете возражать, Федор Александрович, против такого исхода событий?

– Разумеется, – повторил за ним Фролов и протянул полковнику руку.

– А наши договоренности... Ну, полагаю, мы в ближайшее время встретимся?

– Да-да, всего хорошего.

Федор был явно чем-то смущен. Наверное, этой последней фразой Брусницына. А точнее, озвученным случайно – или же, напротив, совершенно сознательно – известием о какой-то их договоренности. Конечно, это было грамотно сыграно полковником: вроде и ничего не сказал, но успел намекнуть на нечто значительное. А вы, генералы, теперь думайте.

С Грязновым полковник как поздоровался при встрече, так и попрощался только сухим кивком. А Вячеслав Иванович даже не встал со стула: как сел верхом, так и не поднимался. И руки из карманов брюк не вынимал, чтоб не протягивать самому и посетителю не давать повода. Тоже кивнул в ответ и, дождавшись, когда дверь закрылась, негромко сказал, как бы самому себе:

– Вот прохиндей! Земля таких не видела. Ну жук! Куда тебе до него, Федя!

– Зря ты, Славка, нормальный мужик, – вступился Фролов. – А что касается ситуации...

– Да пошел он на хрен, обсуждать еще всякое дерьмо! Ну что, перекусим? Или как? Может, у вас уже другие планы? – Грязнов, хитро прищурившись, глянул на Федора.

– Сам же обещал, а теперь на попятный? – сделал вид, что готов обидеться, Фролов.

– Ну раз обещал, тогда какой разговор, – сказал Грязнов, вставая. – Поехали в «Пушкин», там рыбка вкусная и твердый знак в конце.

– А твердый знак при чем? – усмехнулся Турецкий.

– А чтоб крепче было!..

...Поздно вечером, можно сказать, почти ночью состоялся такой диалог.

– Не говори мне, Саня, не спорь, не убеждай! Жук – он и есть жук, жучара! Но при этом у него есть отчасти реабилитирующий его фактор. Он отлично понимает, кто он есть на самом деле. А жук, который знает уже, что он жук и жучара, в некоторой степени может считаться... как это?

– Не понимаю, о чем ты? – пытался утихомирить Грязнова Турецкий. – Ну и пусть себе жужжит, если он жук. Им положено...

– Нет, но ты заметил, как он это делает, а? Ну я тебе доложу, ай-я-яй!..

Грязнов с Фроловым надрались в «Пушкине» – пусть и не до потери морального облика, но прилично. И тут же затеяли спор о том, насколько основательно прогнила правоохранительная система, а также о том, что ее еще держит на плаву и сколько времени это может продолжаться. Примерами они оперировали такими, что, окажись поблизости кто-нибудь из тех, кто понимал бы толк в обсуждаемом вопросе, наверняка решил бы, что попал в компанию злостных диссидентов, для которых вообще нет на белом свете ничего святого...

Спор они свой так и не закончили, поскольку обозначенные персональные позиции почти не различались между собой.

По Фролову, все выходило плохо и гнило. Но тем не менее во всем этом дерьме каждый может изыскать свою собственную возможность заработать на жизнь, не столько даже благодаря, сколько вопреки всему, что характерно как для нынешнего времени, так и для истинно русского характера вообще. Мол, нам, чем труднее, тем забавнее. Не такое переживали, не помрем и теперь. А лучше совсем плюнуть на все, и позаботиться о своем здоровье, потому что никто другой тебе больше не поможет.

А по Грязнову, все в стране не просто плохо, а совсем безнадежно – и с политической волей, и с экономикой, и с общественной моралью, в связи с чем у населения растет чувство протеста, которое и приведет в конечном счете... Куда? А куда мы все идем? Вот туда и приведет, стало быть. И это вовсе не большевистский синдром – чем хуже, тем лучше! – а неотвратимая логика постсоветского бытия.

Но оба сходились во мнении, что нынешних реформаторов надо всех, скопом, в Сибирь – лет на пятьдесят, поднимать нравственность! Вот тогда к чему-нибудь путному, глядишь, и придем.

Черт знает что! Взрослые, да какое уж – старые люди, генералы, а несут!.. Расслабились, называется.

Фролов не выдержал напора с двух сторон и раскололся, сказал-таки, кто из министерских домогался у него прекращения шума. Оказалась весьма нехилая команда: замминистра и трое начальников главков. Назвал их поименно. Ну понятно, заместителя министра волновал вопрос с Государственной думой. Нет, не в том проблема, чтобы в корне пресечь безобразие, а в том, чтобы убрать ненужный и опасный кое для кого общественный резонанс.

Да и о чем можно говорить, если в отдельных российских краях и областях уже в тандеме с государственной властью на руководящие посты пришли криминальные авторитеты и открытые уголовники?! И все об этом знают и без конца пишут, а те плюют на так называемый общественный резонанс! Чего бояться-то? Просто замминистра не хочет сам влезать в эти разборки, а новый министр, кажется, вполне способен взять да и поручить ему такое разбирательство. Нужно? Как же, как же... Короче, прикрой, мать твою, пока тебя самого не прикрыли!

Ну а генералы из главков, те просто свой интерес имели. Это ведь только в названии фонда присутствует термин «благотворительность», а на деле все гораздо сложнее. Или проще – как посмотреть. Да, какой-то процент средств идет на оказание конкретной помощи, о чем пишут в газетах и снимают для телевидения. И без чего никакой общественный фонд просто существовать не может. Но главная-то задача данного фонда состоит в другом: он создает отдельным руководителям министерства, хотя об этом нигде не говорится открытым текстом, соответствующие условия для осуществления их общественно значимой трудовой деятельности. Причем исключительно на пользу Отечеству и народу. О царе пока говорить рано. Пробовали, но показалось неуместно. И когда в подобной благотворительности имеется твоя личная, глубокая заинтересованность, разве не должен твой коллега также проникнуться ею, оценить особую важность поддержки собственных «кормильцев» и метким плевком загасить ту пресловутую искру, из которой, в определенных условиях, способно запросто разгореться пламя, опять же мать его тудыть и растудыть?.. Вот такой расклад.

Трое генералов, сидевшие за столом в ресторане «Пушкинъ», были достаточно грамотными людьми, чтобы не заниматься чепухой и не уговаривать друг друга не поступаться совестью. Хотя если разобраться, то сегодня даже такую извечную категорию – одновременно расплывчато иррациональную и абсолютно конкретную – каждый вполне может понимать по-своему. В зависимости от занимаемого поста, уровня развития или вместимости собственного кармана. В конце концов, пришли к выводу, которым и закончили вкусный и дорогостоящий ужин (платил Славка, раз была его идея): плохо, конечно, но надо держаться. На ногах.

Сначала отвезли на грязновской машине Фролова, затем Турецкого, который держался крепче остальных, а потом уж и Вячеслав отправился к себе домой. Но, приехав, он тут же перезвонил Турецкому:

– Слушай, Саня, оказывается, я дома не один. У меня и тут гости. Знаешь кто? Ну Дениска – это непременно, да он и не гость никакой. А второй – Юрка, которого мы с тобой сегодня уже поминали. В смысле, вспоминали. Нашему адвокату, видишь ли, оказывается, мой совет нужен... был. А я как раз в том состоянии, чтобы давать ценные советы, понимаешь? Но вопрос серьезней, чем я думал. Поэтому на завтра объявляется совет старейшин. Ты и я.

– А нам это надо, Слава? – нетвердым голосом поинтересовался Турецкий, которого Ирина тщетно пыталась загнать в постель, чтобы не приставал со своими общественно-политическими выступлениями.

– Нам это надо, Саня, – твердо заявил Грязнов. – И ты скажешь, что я прав, когда услышишь от меня, что в деле фигу... фи... гурирует... Знаешь кто? Полковник Брусницын, – эффектно закончил Вячеслав. – Вот ви... дишь, я от тебя, Саня, ничего не скрываю. А Федьке никогда не скажу, потому что он... ну?

– Жук, ты уже говорил. Но, может, не такой, как тебе представляется?

– Да-а-а?! – И Славку понесло с новой силой. Но выступал он недолго, потому что вдруг резко оборвал себя и строго спросил: – Машину увезли?

– Какую? А, Иркину? Увезли. Она говорит, вежливые – спасу нет.

– То-то! Не забудь про завтра... – Грязнов отключился.

– Вы долго еще собираетесь колобродить? – сухо спросила из кухни Ирина, которая внимательно прислушивалась к разговору. – И с какой стати набрались именно вы со Славкой, когда сегодня, по меньшей мере, это была моя прерогатива?

– Папка, иди спать, – коротко резюмировала выглянувшая из своей комнаты Нинка с наушниками на голове.

– Иду, но сперва я отвечу на остро поставленный вопрос. Мы встречались именно с тем лицом, которое... ну которое обеспечило этих вежливых ребят, надеюсь, это понятно?

– Более чем. Давай перенесем окончание нашего разговора на завтра.

И столько было доброжелательности в голосе жены, что Александр Борисович благодарно ей улыбнулся и ответил:

– Давай, дорогая.

2

Знай адвокат Юрий Петрович Гордеев, чем может обернуться для него дело, которое ему с настойчивостью, достойной лучшего применения, навязывала эта уже немолодая, но весьма пикантная и достаточно темпераментная в соответствующих условиях дама, он бы нашел веские причины для отказа. А тут... Ну не устоял он перед откровенным соблазном. Впрочем, и само дело, как ему показалось поначалу, не стоило выведенного яйца.

Типичная современная ситуация. Есть выгодный бизнес. Есть давние и вполне доверяющие друг другу партнеры. Есть четкое разделение позиций – кто чем занимается. Есть официальный, юридически обоснованный и нотариально заверенный договор о процентном распределении прибыли. И, наконец, есть, как принято нынче называть, общая «крыша», получающая свои проценты и удовлетворенная этим обстоятельством.

Короче, имеются все составляющие, необходимые для успешного, прибыльного и, главное, перспективного дела.

А чего нет? Вот тут-то и заковыка. То ли неожиданно, как бы сама по себе, сложилась некая цепь вроде и незначительных обстоятельств, которые в сумме оказались очень даже значительными, то ли злой рок преследовал одного из партнеров. Что он ни предпринимал, все шло наперекосяк – особенно в последнее время. Словно бы и винить некого, кроме как самого себя, но закрадывались сомнения. А может, никакой не рок, а дело чьих-то очень ловких рук? Причем направляемых тем, кто абсолютно в курсе всех дел. Что же, значит, придется грешить на кого-то из партнеров? Или, что еще ужаснее, на всех сразу?!

Другой бы, наверное, с этого и начал свое собственное расследование, но наш «герой», защититесь которого и попросила дама, оказался неспособным поверить в предательство партнеров. Да что там партнеров – можно сказать, лучших друзей! Этот парень, конечно, обыкновенный козел и лох, размышлял, внимательно слушая даму, Гордеев. Он либо забыл, либо вообще не знал, что в бизнесе, тем более успешном, друзей быть не может – по определению. Соратники – да, но и те до поры до времени. Ведь бизнес – в диком его восприятии (а у нас, в России, иного пока и нет) – это коллективная охота хищников. Они и в стаю сбиваются, чтоб легче было обложить и загнать добычу. А вот когда загнали и уже готовы приступить к трапезе, тут каждый должен помнить, что пока не нажрется главный, самый сильный, не подходи, может и тебя порвать. Надо полагать, наш парень, говоря шахматным языком, однажды зевнул своего ферзя. Ну а дальше какая уж игра! Тем более если она изначально планировалась как командная. Ты крупно подвел остальных, тебя немедленно выкинули, не обсуждая причин. Казалось бы, чего же еще? Но нет, это все-таки не игра, а бизнес, и ты уже не просто случайная жертва непредвиденных обстоятельств, ты теперь еще и виновник, на которого так удобно, а иной раз и просто необходимо списать все мелкие и крупные грехи остальных партнеров. Друзья, говоришь, были? Вот-вот...

И понял это парень, окончательно прозрел, так сказать, лишь оказавшись на тюремных нарах.

Впрочем, из достаточно сдержанной, надо заметить, исповеди дамы напрашивался и несколько иной вывод. Нет, возможно, что так и не прозрел. И главной причиной тому послужила не растраченная до конца вера человека в некие химеры, которые еще успели вколотить в головы его поколения старательные учителя. Ну, например, в то, что дружеская поддержка в трудную минуту – не хитрый способ утопить тебя окончательно, а действительно искренняя

помощь, на которую каждый из нас может и должен рассчитывать, какая бы социальная формация при этом ни торжествовала.

Словом, женщина продолжала свой рассказ, а Гордеев уже примерно представлял себе печальный финал, из-за которого она, собственно, и появилась в его кабинете юридической консультации номер десять, что в десяти минутах спокойной ходьбы от метро «Таганская»...

Перешли к частностям. Этого парня пикантная дамочка называла «мой мальчик», из чего Юрий Петрович и сделал вывод о его возрасте. На самом деле «мальчику» было уже за сорок. Смешно, но бывает: маленький, удобный, под рукой. Но в любом случае «мальчику» уже пора было научиться соображать, чего он, надо понимать, так и не сделал. А кто же тогда она ему? Возраст ее – где-то около сорока, значит, явно не мать, даже если бы назвала себя приемной. Жена? Любовница? Просто знакомая?

Женщина оказалась сообразительней, чем Гордеев думал. И на не заданный ей еще вопрос ответила сама: они с Егором – это с «сидельцем» – давние и близкие друзья. Она подумала, будто прикидывая подлинный смысл слова «близкие», и добавила:

– Были достаточно близкие. До определенного времени. Затем у нас произошло взаимное охлаждение, которое обернулось новой, скажем так, исключительно духовной близостью в те дни, когда с ним случилось *это*.

– Под «этим» надо понимать его санкционированный переезд в Бутырки? – прохладным тоном осведомился Гордеев.

Это был момент его беседы с посетительницей, когда он сам еще не пришел ни к какому выводу и склонялся больше к тому, чтобы вежливо выслушать даму и найти веские аргументы для отказа. На худой конец, можно ее «перекинуть» кому-нибудь из коллег, у кого совсем нет работы. Да хоть бы и Вадьке Райскому – этот вмиг учует, где денежкой пахнет.

Некоторая неловкость заключалась лишь в том, что эту занятную даму направил именно к нему, Юрию Петровичу, заведующий юридической консультацией, сам «великий и ужасный» сэр Генри, то бишь Генрих Афанасьевич Розанов. Но даже это обстоятельство еще ни о чем не говорило. Тот мог просто из озорства, присущего старому ловеласу и тонкому знатоку человеческих душ, кинуть Юрочке мелкую «подлянку», зная, что он равнодушен к загадочным и красивым женщинам. «Ах, она вам нравится, коллега? Вы не остыли еще к женским прелестям? Ну так нате, кушайте себе на здоровье!»

Интересно, а где сейчас Вадим? Может, и ему бы послушать?

– Нет, – категорическим тоном произнесла дама.

– Что, простите? – не сразу врубился занятый своими мыслями адвокат.

– Вы спросили про тюрьму, – сухо и неожиданно отчужденно объяснила она, отчего ее лицо приобрело новую прелесть. – Я ответила: нет. Но вы меня не слушаете?

– Напротив. И очень внимательно. Прошу меня извинить, мадам...

– Вы уже забыли, как меня зовут? – искренно удивилась она. И вместе с обворожительной улыбкой на ее щеках обозначились совершенно обаятельные ямочки. – Но Генрих Афанасьевич представил меня вам. Разве не так?

– Я был настолько поражен вашим совершенством, что думал в тот момент совершенно о другом, – многозначительно улыбнулся Юрий Петрович.

Вот такое «коленце» рискнул выкинуть Гордеев. И после этого дама, по его мнению, должна была либо встать и гордо покинуть помещение, либо... Либо остаться, но, возможно, в некоем новом уже для себя качестве.

– О чем же, если не секрет? – Она улыбалась, чувствуя силу своих чар.

Ну давай, давай...

– Боюсь, мой ответ может показаться вам слишком дерзким, а потому лучше умолчу.

– Господи, Юрий Петрович! – засмеялась она и закинула ногу на ногу, чем откровенно подчеркнула прочие свои достоинства. – Извините и мне мою дерзость, но у мужиков на рожах

обычно столько всего написано, что прочитать эту «открытую книгу», ей-богу, не составляет никакого труда... Ладно, не отвечайте. – И добавила задумчиво: – Разве что когда-нибудь... – После чего стала снова серьезной и озабоченной. – Повторяю: нет и нет. Он уже был на нарах, когда я встретила с его матушкой, Варварой Николаевной. Умная и добрая женщина. Во всяком случае, ко мне была.

– С ней что-то случилось? – вежливо спросил Гордеев.

– Почему? – удивилась женщина.

– Вы сказали – была.

– Ах поэтому... Нет. Она сказала мне: Леночка, ты единственная, кто может спасти Егорушку и вытащить его из тюрьмы. Вот тогда я и узнала. Но меня к нему, естественно, не допустили, я ему формально – никто, да теперь уже и во всем остальном – тоже. А матушка была у него, и он рассказал ей, что мог.

– Мне неловко называть вас Леночкой, хотя и хотелось бы, – как бы случайно заметил Гордеев.

– Обойдетесь. Елена Александровна меня вполне устроит. Повторить, чтоб опять не забыли? – просто сказала, без тени иронии или сарказма.

– Не надо, я уже вспомнил. А что же Егор... Савельевич, да?

– Вот видите, а жалуетесь на память.

– Ему уже выдвинуто обвинение? У него имеется адвокат? Кто конкретно?

– Да в том-то вся и беда, что выдвинутое обвинение, как он сказал Варваре Николаевне, притянута за уши, и понять из него ничего толком нельзя. Какие-то глупости, полностью лишённые всякой логики. Ему, например, инкриминируют вещи, к которым он просто не мог иметь никакого отношения. То есть «загрузили» – это его выражение – тем, о чем он и понятия не имеет. Пришили еще какое-то уклонение от уплаты налогов, которого не могло быть изначально, по определению. Егор – не тот человек. Вдобавок, адвоката себе он нанял также по совету «друзей», а они, как я теперь понимаю, знали, что делать и кого ему рекомендовать. А он послушался, о чем сейчас горько жалеет.

– Так, и давно?

– Что именно? Сидение в тюрьме или вся эта история?

– И то, и другое.

– Началось, я думаю, около двух лет назад. А в тюрьму его препроводили в конце прошлого года, то есть уже больше шести месяцев.

– Ничего себе, и вы только теперь спохватились? А не могло случиться так, что поезд уже ушел?

– Можно подумать, – она иронично хмыкнула, – что вам не приходилось извлекать осужденных даже из колонии!

– Вам-то откуда известно? – удивился Гордеев, с удовольствием, однако, подумав, что у славы есть, конечно, свои издержки, но есть и определенно радующие душу моменты.

– Неужели вы думаете, Юрий Петрович, что я не навела справки, прежде чем отправиться на поиски нужного мне адвоката? – Она обворожительно улыбнулась.

– Ну почему же сразу обязательно я? У нас в консультации есть отменные кадры. Да хоть бы и тот же Вадим Андреевич Райский. Вадик – большая умница, мне нередко приходилось работать с ним в паре. Он достоин только комплиментов.

– Возможно, трудно возражать, когда не знаешь человека близко. Но я слышала несколько иное мнение. Мне говорили, что он большой любитель «микста», а в этом, по моему личному мнению, есть все-таки что-то не очень порядочное. Хотя я могу и ошибаться.

– Вам и этот наш профессиональный термин известен? Это похвально. Только я бы не возводил то или другое действие в принцип. «Микст», как вы, надеюсь, знаете, раз слышали о нем, расшифровывается как «максимальное использование клиента сверх таксы». С одной

стороны – вроде как грабеж, а если посмотреть с другой? Вот, скажем, в вашем деле конкретно вам все ясно. Вы, позволю себе заметить, и знакомите меня с ним так, будто все остальное уже не имеет ни малейшего значения. И я вас могу понять. А теперь вернемся к существу. Предположим, я взялся. И для того чтобы правильно составить план защиты обвиняемого в тех-то и тех-то уголовных преступлениях, я должен детально, тщательно ознакомиться со всеми без исключения материалами, добытыми следственным путем. И, возможно, отыскать и заслушать десятки свидетелей. Но у вашего Егора Савельевича уже есть свой адвокат, которого пусть ему даже и навязали, но он же сам с этим согласился, верно? – Гордеев дождался ее кивка и продолжил: – А теперь его придется отстранить от дела. По какой причине? Придется обосновывать. И убедительно, ибо это не детская игра в «хочу – не хочу». Человек работал, рассчитывая на определенный договором гонорар. Это – первое. Но предположим, мы решили эту проблему, и, между прочим, именно мне придется добывать вам доказательства его неспособности или нежелания повернуть дело в пользу обвиняемого. Пошли дальше. Следователь, которому, по вашему убеждению, этот адвокат помогал больше, чем собственному клиенту, естественно, тоже не захочет никаких изменений и станет мне создавать максимальные препятствия при ознакомлении со следственными материалами. Допустим, и этот барьер мне удастся преодолеть. Возникает следующая проблема. Если Егора Савельевича подставили нечистоплотные люди, которые, по его мнению, «загрузили» его собственными грехами, то, поверьте мне, они и доказательства его вины предоставили следствию такие, которые не должны были вызвать ни сомнений, ни двояких толкований. Согласны?

– Я думала об этом, – кивнула женщина.

– Прекрасно! Мы начинаем понимать друг друга. И вы полагаете, что следователь представит суду какие-то иные доказательства, противоречащие уже выстроенной им версии? Да никогда в жизни. Если эта компания в сговоре, она будет стоять на своем до конца. Иначе дело развалится и следователь получит крупные неприятности. А они ему нужны? Они ему не нужны, Елена Александровна.

– Можете звать меня просто Леной, – машинально сказала она и вздрогнула. – Извините, вырвалось.

– А мне – так очень приятно. Итак, продолжим, Лена. Мы с вами живем не в Америке, где адвокаты могут вести собственное расследование. Здесь, в России, по своему положению я этого делать не имею права. Это дело исключительно следственных органов. Но когда мне надо добыть контрдоказательства, я вынужден нарушать свой статус, понимаете? Ну, может, не сам, но я могу нанять опытных сыщиков в частном порядке и поручить им эту работу. А такая работа стоит иной раз больших денег. Значит, я им должен заплатить из своего гонорара? А что же, в конце концов, останется мне? Это же мой хлеб, извините. Заработал – съел, а нет – так зубы на полку.

– Ну, до этого у вас еще не доходило, – уверенно сказала она.

– Почему вы думаете? – улыбнулся Гордеев.

– Вид внушительный. И потом, голодные люди, как правило, не капризничают.

«Эх, послать бы тебя подальше, дорогая Леночка», – подумал Юрий Петрович, но вслух, улыбаясь, отвечал:

– У меня характер общительный. А вообще-то я – та еще зараза. Но мы сейчас не об этом. А касательно термина «микст», который у вас вызывает откровенную неприязнь, если не сказать большего, могу добавить одну мелочь, которой вам, полагаю, будет достаточно. Ну, скажем, так. Назначая для себя «микст», я тем самым утверждаю класс своей работы, ее профессиональный уровень и возможности. Можно, буду до конца с вами откровенен? Я потом объясню почему.

– Я до сих пор не лукавила. Наверное, не все рассказала...

– Как не все? Разве? – сделал изумленные глаза Гордеев.

– Вы шутите? – спросила она таким тоном, что у него вмиг пропало желание ерничать.

– Разумеется, Леночка... – И помолчал в ожидании реакции. Прошло. – В принципе я могу вместе со своим добрым другом и отчасти учителем, являющимся ныне помощником генерального прокурора, заехать вечером попить чайку, а может, чего и покрепче – это по настроению, к помощнику генерального прокурора. Просто посидеть, поговорить за жизнь, заодно и посоветоваться по некоторым интересующим меня вопросам. Скажите, много вы видели адвокатов, у которых есть такая возможность? Не уверен. Но вот что я наверняка сегодня сделаю, так это возьму с собой другого своего друга, кстати, директора одного из самых толковых у нас сыскных агентств, и заеду с ним вместе к его дядьке. Тот еще недавно возглавлял Московский уголовный розыск, а сейчас, в министерстве, руководит Управлением по раскрытию особо опасных преступлений. И я попрошу Вячеслава Ивановича навести для меня справки по вашему вопросу. А он наведет и скажет все как на духу – стоит мне браться за дело или нет. Тухлое, как они выражаются, это дело или игра стоит свеч. Ну вот разве что тогда я смогу дать вам определенный ответ, понимаете? Я и сам не покупаю kota в мешке, и другим не предлагаю. Но если возьмусь, то и цену назначу соответствующую. Устроит – прекрасно, а не устроит... У вас всегда остается право выбора.

– А знаете, Юра, – задумчиво кивая и словно бы не замечая своей вольности, сказала Елена, – я, пожалуй, готова с вами согласиться. Вы правы. Смешно!

– Что именно?

– Аналогия возникла смешная. Я подумала, что весь мой долгий рассказ можно было спокойно вложить в одну классическую фразу: «Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте». Примерно столько же информации, если не читать Шекспира и не видеть спектаклей и фильмов. А вам нужны голые факты, чтобы принять верное решение. И все мои эмоции совершенно излишни. Так?

– В яблочко! – согласился Гордеев.

– Вот видите, – улыбнулась она, – получается, что и я кое в чем разбираюсь... Может быть, я не с того конца начала?

– А есть и другой конец?

– Ох, Юрий, Юрий Петрович, ну конечно, есть... Наверное, я должна была начать с того, что Егора не только подставили друзья. Его еще и... как это называется у бандитов, когда выманивают деньги?

– Некоторые говорят: «развели».

– Да, кажется, он так матушке и сказал: «Меня крупно развели». Я вспомнила. Его ведь поначалу, когда началось следствие, никто и не собирался сажать в тюрьму. Сказали, что можно дать взятку следователю, и тот ограничится подпиской о невыезде. Что и было сделано. Затем последовало следующее предложение, потом еще одно, а только уже потом Егора арестовали.

– И много он заплатил?

– Он сказал, что за три раза заплатил, в общей сложности, двести тысяч долларов.

– Сколько? – не поверил Гордеев.

– Двести тысяч. Для Егора, ворочавшего миллионами, не так уж и много, – объяснила Лена.

– Так, может, его и держат в тюрьме, чтобы доить, извините, дальше?

– Откуда я знаю? Меня к нему не пускают, а матушке он не скажет. Он за нее боится. Даже это немного сказал под строжайшим секретом. Варвара Николаевна, которая никогда не лезла в дела Егора, чуть с ума не сошла, когда услышала такие суммы.

– У нас несколько сумбурный разговор. А чем он занимается? Откуда миллионы?

– У него сеть супермаркетов в Юго-Восточном округе, бензозаправочные станции «Стандарт», встречали, наверно, если вы автомобилист. Пакет акций нефтеперегонного завода. Авто-салон. И так далее.

– Тогда понятно. Еще вопрос: кто его партнеры? Хоть какие-то фамилии назвать мне можете?

– Только те, что называл он сам. Ну самый близкий, как он говорил, и я их не раз вместе видела, знакома... Игорем его зовут, Игорь Петрович Брусницын. Но все его звали Гарриком, так ему больше нравилось. Он бывший военный, кажется, полковник в отставке. Крупный такой, безалаберный, бабник – просто жуткий! Там у них какой-то фонд был, вот из-за него и произошла ссора. А до этого друзья – не разлей, как говорится, вода... Гарька мне потом звонил. Это когда Егора уже посадили. Звал приехать к нему, посоветоваться, как выручать. А я как вспомню его глаза – масляные такие, знаете? Как у бритого кота. – Лена поморщилась. – Прямо до рвоты, ненавижу этот тип людей....

– Но, может быть, отчасти вы и явились причиной того, что лучший друг вашего Егора, как вы предполагаете, отправил его в тюрьму? Из-за женщин и не такое случалось на свете. Вы ему отказали во взаимности, а он... воспользовался возможностью насолить сразу всем. С его-то точки зрения, а?

– Любопытный вы больно, Юрий Петрович, – недовольно ответила она, – не там копаете. Я с большой долей уверенности могу сказать, что такие мужики, о которых у нас с вами идет речь, из-за какой-то бабы, вроде меня, не стали бы рвать друг другу глотки.

– Так Егор же и не рвал. Или вы знаете, что было нечто иное?

Елена пристально посмотрела на Гордеева и отрицательно покачала головой:

– Нет, не знаю. Но думаю, что если когда-то, в прошлом, я для Егора представляла какую-то ценность, то уж для Гарика – никогда. Его истинная цель была написана в глазах. Нет, я тут ни при чем.

– Как знать, как знать... – вздохнул Гордеев.

– Да что вы все напускаете на себя бог знает что! Философ доморощенный! Вот вы же, – с неожиданной горячностью заговорила она, – смотрите на меня, как нормальный мужик! И ваши желания у вас тоже в глазах написаны. Но вы же не кидаетесь на меня, не заламываете руки, не швыряете на стол, как...

– А может, я вас просто боюсь? – улыбнулся Юрий Петрович.

– Да будет вам! Боится он... – уже спокойно, с невеселой усмешкой отвечала Лена.

– А тот, значит, не боялся? Я про Брусничкина вашего, – напомнил Гордеев.

– Брусницын, – поправила Елена. – А он вообще ничего не боится. Как всякий, кто лишен совести. Воображаю, что они в Чечне творили...

– И там побывал... И что же, кинулся, значит, заломил?

– Ага, и получил по морде. Все? Нужны еще подробности? – Лена гордо глянула адвокату в глаза.

– Экая вы, Леночка, ей-богу! – с укором заметил Гордеев. – Да это ж для мужика первая радость – представлять себе, как другому по морде дали! Это ж какие надежды сразу являются! А уж про изыски воображения я и не говорю.

– Ловко перевели стрелку.

– Я пока изучаю возможные мотивы, понимаете? А про Ромео и Джульетту это у вас удивительно точное наблюдение. Постараюсь ответить вам тем же.

– Ну-ка? – с вызовом сказала она.

– Это ведь, помнится, финал трагедии, да? Последняя фраза?

– Вот именно.

– И если я, как делают некоторые, открыв книгу, загляну в конец, чтобы узнать, чем кончилось, то возникнет вопрос: «А стоит ли вообще читать?» И что я должен ответить себе? Хочу я или не хочу знать, почему же эта повесть – «печальнейшая»? Мне перевод Пастернака больше нравится. «Но повесть о Ромео и Джульетте останется печальнейшей на свете...» Звучит? Ну так и что я, по-вашему, должен ответить себе? Это – тест.

– Почти уверена, что вы захотите узнать. Мне нравится ваша логика.

– Что ж, видно, придется. – Гордеев не мог сдержать улыбки, видя серьезность Елены. – Диктуйте ваши координаты. Все, какие есть. Адреса, мобильники и прочее. Все про Варвару Николаевну. Кстати, она хоть в курсе?

– Это наше общее решение.

– Ваше отношение к «миксту»?

– Принимается.

– Сумма в десять процентов от взятки вас устроит? Или я перебрал? Меня интересуют возможности обвиняемого. Не получится ли так, что к моменту его выхода на волю он может оказаться круглым банкротом?

– Он не настолько глуп, чтобы класть яйца в одну корзинку. Полагаю, что нет. А мои возможности? Думаю, вы сможете действовать свободно – в пределах обозначенной суммы, – решительно сказала Лена. – Это пока, а там – посмотрим.

– Фамилии палачей?

– Возбудила дело Хамовническая межрайонная прокуратура, по месту жительства, но курирует, определенно, генеральная, фамилию куратора не знаю, эти деятели из Хамовников только многозначительно поглядывают вверх. А вот следователь, который ведет дело, Нина Георгиевна Ершова, – она «важняк» из Следственного комитета МВД.

– Взятку передавали ей? Кто, известно?

– Так адвокат же! Дмитрий Аркадьевич Штамо, контора где-то на окраине. Называется чудно. Помните, у Образцова был кукольный квартет – Дидл, Падл, Дудл и Семенов? Вот и у этого – тоже что-то вроде Дидла, Падла и Штамо. Я уточню. А вы сегодня в самом деле можете навестить генерала Грязнова?

– Разве я называл вам фамилию? – Гордеев посмотрел на посетительницу с мгновенно вспыхнувшим подозрением.

– Не называли, но я тоже когда-то была знакома с Вячеславом Ивановичем Грязновым.

– Так в чем же дело? Почему вы не отправились сразу к нему?

– Он же не адвокат, Юрий Петрович. Но если вы увидите, пожалуйста, не сочтите за труд, передайте ему привет от Лены Казначеевой. От меня. Может быть, он вспомнит.

– Ни фиги себе! – Гордеев едва не присвистнул, с некоторой растерянностью глядя на покрасневшую почему-то под его пристальным взглядом женщину. – Ах дядя Слава, ах рыжая котяра!..

Она звонко рассмеялась.

– Не берите в голову, Юра. Я лет пятнадцать назад была у них на практике, так они всей Петровкой отчаянно за мной ухаживали, проходу не давали. Правда, до дуэлей не доходило... А он тогда майором еще был. И друг у него был симпатичный...

– Александр Борисович Турецкий, мой непосредственный учитель.

– Так это вы о нем? Тесен мир... Теперь я уверена, слава богу, что не ошиблась в выборе.

– Но получается, что вы сама – юрист? Не понимаю ваших проблем, – недоуменно пожал плечами Гордеев.

– Увы, давно нет. Была женой, потом любовницей, потом... скучно, Юра.

– А если расправить плечи?

Она с печальной улыбкой посмотрела на него, вздохнула, глаза ее сузились, и лицо как-то странно осунулось, стало старше. А может быть, она вдруг осознала жесткую материальность времени, которой, не будь этого разговора, и дальше бы старалась не замечать. Все-таки время для женщины – понятие конкретное и реально осязаемое, особенно когда встречается человек, в которого, вполне возможно, была тайно влюблена... давным-давно, давным-давно...

3

– Ленка Казначеева?! – вскричал Вячеслав Иванович, всплеснув руками. – Так что ж ты ее с собой не привез?! Саня, ты просто не можешь ее не помнить! Это же Ленка! Вот такие золотые волосы! – Он стал показывать округлыми движениями рук. – Вот такой бюст! Такая талия! И вот такая... ой! Все с ума сходили! Ей не в юристы, а на подиум! Венера, да куда той! И как она выглядит? – восхищался Грязнов. – Царица?

– Ну, может, не царица, но немного постаревшая принцесса – это похоже на правду. Впечатление, во всяком случае, производит. Хотя принцессы на такси не ездят, – скептически заметил Юрий. – Как правило. Но, возможно, бывают и исключения.

– Не помню я ее, – скучным голосом прокомментировал Славкин восторг Турецкий. – Ты лучше про этого Брусницына давай. Чего он там натворил?

И Гордеев выложил все, что услышал об отставном полковнике от Елены Александровны. Грязнов с Турецким слушали, переглядывались, но молчали. Никак не отреагировали они и на фамилию адвоката Штамо. Да мало ли нынче этих контор! Всех и не упомнишь. Это, кстати, куда удобнее сделать самому Юрию – через Московскую коллегия. Наверняка и его шеф, Розанов, мог что-то знать об этом типе.

А вот следователь Ершова – эта сразу заинтересовала обоих.

– Как, говоришь, ее зовут? – Грязнов прищурился. – Нина Георгиевна? Ага. А кто у нас с вами руководит Юго-Восточным округом? Куницкий. А кто его первый зам? Серега Ершов. То есть Сергей Георгиевич, так? И какая тут напрашивается связь?

– Память у тебя, Славка, однако! – похвалил друга Турецкий.

– Не жалуемся, – прокомментировал генерал. И не удержался, чтобы не уколоть приятеля: – А ты вот Ленку забыл! Плохо, Саня, стареешь...

– Мы про следователя, – напомнил Гордеев.

– Вот именно, – кивнул ему Грязнов. – Мне этот бывший полковник сразу не понравился.

– Это о ком? – не понял Гордеев.

– Да Саня знает, – как-то неохотно ответил Грязнов. – Ну чего уставился? Да о твоём Бруснице, о ком же еще!

– Так вы с ним что, знакомы?! – изумился адвокат.

– Довелось, – вздохнул Турецкий. – Удостоились такой высокой «честь». Славка, а ведь, проанализировав твоё вызывающее поведение, я вынужден все-таки признать твою правоту. Получается, ты у нас единственный, кто как в воду глядел. Так, значит, это ему Ленка и врезала по харе?

– Фи, Сан Борисыч! Ну и выражения у вас, однако, генерал! Хотя чего взять с генерала? Но Елену Александровну, судя по вашей интонации, вы определенно вспомнили?

– А ведь он уел тебя, Саня! – засмеялся Грязнов. – А вспомнил он ее, Юра, наверняка по манере действовать решительно и бесстрашно. Поди, и сам когда-то схлопотал, да? А вот со мной у нее подобного никогда не случилось! Правда, приходилось строго ограничивать себя, сдерживать. Это было, да. Особенно за руками все время следить. А так – даже очень, очень... Славная девочка. Компанейская...

– Да уж какая она теперь девочка! – ностальгически вздохнул Турецкий.

– Слушайте, отцы-милостивцы, чего это вы ударились в воспоминания? Я вам для этого разве все рассказывал?

– Ты свое рассказал – и помолчи. Дай взрослым дядям думать, – строго оборвал Гордеева Вячеслав Иванович. – Ишь торопыга! Саня, у меня возникла одна идея насчет этого фонда сплошной благотворительности. Только Юрке с ним отродясь не справиться. Тут тяжелая артиллерия нужна. Или снаряды, которые любую броню прошибить могут.

– Кумулятивные, – подсказал Гордеев.

– Да? – обернулся к нему Грязнов. – Тебе видней. Но мы, Юра, выступаем сейчас в роли советчиков, не больше. Ты ведь за этим пришел? Верно? Не могут, да и не имеют никакого права, не говоря уже об обычной житейской целесообразности, заниматься этим твоим делом помощник генерального прокурора, например, или начальник такого управления, как мое. Мы с ним, конечно, пушки, – Грязнов кивнул на Турецкого, – но палить по воробьям – это, извини...

– Я бы не стал сравнивать Брусницына с воробьем, Вячеслав, – возразил Александр Борисович. – Чтобы не попасть ненароком впросак. Именно в этой связи я и хотел бы от тебя услышать, с чем у тебя ассоциируется упомянутый фонд?

– Ну про гигантскую кормушку мы уже говорили. Но чтобы разложить все по полочкам и тщательно проанализировать каждую в отдельности, надо выявить, во-первых, всех его учредителей, а во-вторых, членов. И посмотреть, кто из них «ху» и где в настоящий момент находится. Влезать самим в фонд нам никто не позволит. Иначе, я думаю, этот полковник не чувствовал бы себя настолько уверенно. Значит, остается что? Ну, Саня? Ты же у нас признанный мастер версий! Пошевели мозгами, это ж тебе не руками... с Ленкой, а?

– Далась она тебе! – сделал вид, что обиделся, Александр Борисович. – И ничего в ней такого, чтоб «ах-ах!». И вообще, когда это было!.. Ладно, кончайте ржать, остряки... А касательно фонда, я полагаю, может пройти такой финт. Вот ты, Юра, обмолвился тут насчет охоты, сравнивая современный бизнес с облавой хищников на их жертвы. Ничего, подходит, есть что-то... А если нам продолжить твою аналогию? Те же наши волки, к примеру, или там львы, которые охотятся в других широтах, они ведь на крутого зверя не полезут. Они выберут себе большого или совсем еще молодого, кто не опасен для них, рогом не подцепит, копытом не пришибет, да просто опыта грамотной защиты от врага не имеет, верно? Значит, каков вывод? Если мы с этой точки зрения посмотрим на фонд как на возможную свою пищу, которую надо еще добыть, то самое время нам выбрать максимально уязвимую в этом отношении жертву. И с нее начать охоту. Скрасть, как я слышал, говорят в Сибири. А потом расколоть. И узнать структуру. А пока такого материала, причем достаточно аргументированного, на руках не будет, о военных действиях нечего и думать. Такое вот мое непросвещенное мнение.

– Скромный ты, однако. Ну что, согласимся, Юра? – спросил Грязнов.

– Да я чего? Вы битые, опытные сыщики, вам и карты в руки.

– А вот это уж – фигушки, Юрий Петрович! – возразил Турецкий. – Не на тех, братец кролик, напал. Сам валяй, все сам. Ишь, в рай он захотел! Дуриком...

– Если бы ты вспомнил, Сан Борисыч, эту поговорку-половицу полностью, ты бы так ни за что не сказал.

– А чего тут непонятного? На чужом горбу...

– Ну это как у кого. А народ предпочитает называть другую часть тела, в смысле, орган.

– Это ты меня с чем сравниваешь?! – заревел Турецкий. – Славка, держи меня крепче, а то я сейчас разделаюсь с этим жалким адвокатишкой!

– Уже, уже! – смеясь, поднял руки Гордеев, а потом сложил их крестом на груди. – Я – труп, я молчу.

– Не показывай на себе, примета плохая, – нравоучительно заметил Грязнов, – и трижды сплунь через левое плечо. Сколько тебе денег-то пообещали?

– Профессиональная тайна, господин генерал.

– Ну и сиди со своей тайной. Верней, вали отсюда!

– Но это же для посторонних, не для вас, ваше сиятельство. Пока условились о двадцати тысячах баксов. Половину, для начала, готов отстегнуть Денисовым парням. Если они согласятся помочь.

– Не помочь, а сделать за тебя всю основную работу, умник, – проворчал Грязнов. – Говорил с ними?

– Конкретно – пока нет. А в общих чертах – вчера.

– Ну, вчера... Мало ли, что было вчера!

– Вашей светлости...

– Чего ты к нему привязался? – встрял Турецкий. – Славка у нас отродясь не был ни графом, ни князем. Какое сиятельство? Какая светлость? Ты еще скажи – светлейшая особа! Ваше превосходительство – вот тот максимум, на который он тянет. И слава богу, а то от завистников нет отбоя. Ох уж эта мне необразованная молодежь...

– А вашего генерального, Сан Борисыч, как прикажете обзывать? Ну при случае?

– Высокопревосходительством. И Костю, кстати, тоже. Но тебе до них – как отсюда до Малаховки.

– Почему до Малаховки?

– Со временем узнаешь. Может быть, – отвечал Турецкий.

Не объяснять же Гордееву, в самом деле, что именно в Малаховку, на генеральскую дачу, мотался когда-то совсем еще молодой Сашка Турецкий, – а чего, полтора десятка лет назад все-таки! – пытаюсь охмурить не поддающуюся на его всевозможные уловки Ленку Казначееву. И все – безрезультатно.

– Ладно, хватит о пустяках, – сказал он серьезно. – Надо, чтобы для начала Денискин Макс «пробил» этот фонд по своим компьютерным каналам. Он «Юпитером» называется почему-то. Кстати, при нем имеется и одноименное охранное предприятие. Так что надо быть осторожней. А вот когда картинка более-менее прояснится, можно будет осуществить операцию «Захват». Только так, чтоб мы с Вячеславом об этой противозаконной акции, что называется, ни сном ни духом. И вот только тогда, когда в фонде появится наш «крот», можно начинать планировать некоторые конкретные действия. Не раньше. Иначе все ваши задумки, ребята, коту под хвост. Но это пока лишь наброски оперативной разработки. А теперь давайте разберемся с возможными версиями, все равно ж не отстанете...

– Если исходить из классической схемы поиска черной кошки в темной комнате, где ее нет и никогда не было, то лично у меня в настоящий момент есть только одна версия, и та лежит на поверхности, – сказал Гордеев. – Ее изложила Елена Александровна. Образно говоря, «три короля из трех сторон решили заодно, что должен сгнуться юный Джон Ячменное Зерно».

– Красиво, но не совсем по делу, – заметил Турецкий. – Если три твоих короля решили забрать бизнес своего партнера – Гусева, да? – себе, тогда понятно. А при чем здесь взятка?

– Саня, а ты не упустил из виду, – сказал Грязнов, – что гусей, прежде чем употребить в пищу, обычно ощипывают? Кто ж станет жрать птицу вместе с перьями?

– Логично, – согласился Турецкий. – Значит, процесс ощипывания, а в конечном счете приготовления обеда, короли решили поручить тандему следователь – адвокат? Но тогда отсюда следует очередной вывод, что повара для тех королей – мелкие сошки. Им *можно*, обратите внимание на это слово, поручить ощипать и приготовить Гуся. А кто на такое способен? Только обладающий реальной, а не показной властью, пусть даже и теневой.

– Лена сказала, я несколько ее перефразирую, что Гусь – птица очень жирная. В том смысле, что взятка в двести тысяч для него – не проблема. И вообще, он не привык держать все яйца в одной корзинке. То есть олигарх не олигарх, но бензоколонки «Стандарт» и прочая весьма нехилая собственность дают ему определенное ощущение собственной силы. И вот на него нашлась управа, понимаете? Как же это могло произойти? Я думаю, во-первых, навалился на него самый близкий друг и партнер, и, во-вторых, он никоим образом не был готов к такому повороту событий. Лопух? Вряд ли. Значит, тонкая, профессиональная работа. И надо искать специалиста.

– Примем вариант за основу, – кивнул Турецкий. – У меня тоже складывалось нечто в подобном духе. Ты не против? – обратился он к Грязнову. – Надо же ребятам дать хоть какую-то канву для начала, а?

– Согласен, – кивнул Грязнов.

– Но вы, вижу, чем-то не удовлетворены, отцы-генералы? – спросил Гордеев. – Я и сам вижу несовершенство такой постановки вопроса, но материалов не хватает. А может, отказаться? Не морочить головы ни вам, ни себе, ни тем более ребятам? А Елене? Да уж сокру что-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.